

Запратанная история татар / Вахит Имамов

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ТАТАРСКОГО НАРОДА В XVI-XVIII ВЕКАХ ЗА СОЗДАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА.

Светлой памяти наших предков, павших в боях за свободу татарского народа, посвящается эта книга.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Вряд ли в империи, называемой ныне Российской Федерацией, найдется, кроме татар, еще одна нация, так непочтительно, если не сказать беспечно, относящаяся к своему прошлому, своей истории. История для народа - все равно что аксакал для семьи. В мусульманском мире аксакалы, их опыт, учения, призывы, советы были превыше всего. Но вот парадокс... В школах нашей республики уж сколько десятилетий шло преподавание истории родного края и родного народа по учебнику "История Татарской АССР". Он даже наполовину не раскрывал историю татарского народа и был написан, естественно, под "руководством" русских "ученых". Программы вузовских факультетов, где готовили и готовят специалистов-историков, лишь мимоходом и до ужаса поверхностно освещают путь, пройденный татарским народом. И даже детей, приезжающих на экскурсию в Казань, у ворот священного Кремля, который являлся сердцем нашего бывшего государства, встречает русский "специалист"-гид; и он, демонстрируя найденные после археологических раскопок "русские" оружия, стремится отравить детские невинные души ложной мыслью, что его предки поселились на этих землях "еще тысячу лет назад"...

Татарский народ, к сожалению, даже наполовину не знает свою историю. Потому что в школах в течение десятилетий мы изучали лишь русскую историю. В школьных или вузовских учебниках, если и упоминалось имя татар, то всегда только в оскорбительном контексте: дескать, именно этот отсталый и жестокий народ установил иго и в течение веков тормозил "прогрессивное" "развитие" русского государства. Поэтому не только уничтожение Казанского ханства палачами Ивана Кровавого, но даже завоевание русскими Прибалтики и Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока преподносилось исключительно как "прогрессивное" явление. Подхватили эту насквозь фальшивую песенку и представители нашей нации: немало "ученых" защитило кандидатские и докторские диссертации. Но, кроме М. Худякова и Л. Гумилева, ни у кого из тысяч русских, татарских и иных ученых не хватило смелости написать научный труд о том, какое страшное бедствие принесли русские колонизаторы другим народам. Об уничтоженных государствах и городах, исчезнувших нациях и языках молчали все. Каждая "историческая" книга всегда "успешно" обходила такие "прогрессивные" явления. Даже наоборот. И московские "гениальные историки", стремившиеся изобразить русский народ как ангела, и "ученые"-манкурты, подпевавшие ради мягких кресел и жирных подачек "старшим братьям", лезли из кожи вон, чтобы очернить истинную историю. Оказывается, по их мнению, прибалтийские народы страдали под шведским игом, а кавказские нации гибли из-за разбоя и грабежей, чинимых иранцами или турками. Мусульмане Средней Азии, разделенные на три Жуза (плюс Хивинские и Бухарские ханства), оказывается, никак не могли поладить друг с другом и самоуничтожались; вдобавок им якобы грозило рабство со стороны китайских императоров. Далее. Все без исключения малые народности, расселенные от Кольского полуострова до Тихого океана, оказывается, терпели гнет от сибирских татар, а якуты, нанайцы, манси, ханты, коми, эвенки даже представления не имели о земледелии, и им было уготовлено исчезновение от голода... А в истории человечества русский народ, оказывается, выделялся своей гуманностью, прогрессивностью, стремлением помочь другим. Якобы только из-за вынужденной необходимости он "освобождал" кавказские и прибалтийские народы от "иноземного ига", "примирял" среднеазиатских мусульман (вплоть до Афганистана), "спас" от голодной смерти все сибирские народности. Вот видите, оказывается, русский народ стал обладателем одной шестой части земли из-за

суровой необходимости, и то - как мировой судья или сострадающий старший брат. Воистину, где плюнул русский солдат - там "исконно русская" земля...

Вот такой ложной историей и фальшивой политикой отравляли наше сознание. А вся история других народов, их победы и успехи в экономике, промышленности, градостроительстве, военном деле, искусстве и науке, достигнутые еще до завоевания русскими колонизаторами, или просто-напросто замалчивались, или присваивались тем же "старшим братом". Не потому ли сегодня не только березы, леса, реки, степи, острова, но и чай, баня, веник, чайник, кувшин, пряники... даже деготь - все "русское"...

Наши болгарские предки приняли религию в 922 году, раньше, чем русские. У нас наука и искусство еще тогда получили расцвет. Лучшие сыны татарского народа обучались не только в болгарских медресе, но и в Бухаре, Самарканде. Караваны древних болгарских купцов колесили не только по русским княжествам, но еще и по Средней Азии, Крыму, Кавказу, даже по Скандинавии. Наши ювелиры и оружейники восхищали весь мир, выделанная нашими предками искусная кожа - "болгарский юфть" - вошла во всемирную историю. Наши предки славились прекрасными банями, восьмиминаретными величественными мечетями; окруженными высокими дубовыми стенами, искусственными водными каналами, крутыми земляными валами, неприступными военными крепостями. В годы засухи Великий Булгар отправлял сотнями ладьями хлеб, тем самым множество раз спасал русский народ от голодной смерти. Булгарский народ подарил человечеству великого Кул Гали. Наши предки намного раньше, чем русские, еще в XII веке, плавил чугун. В то время, когда русский народ, раздробившись на сотни мелких княжеств, вел между собой нескончаемую братоубийственную войну, Великий Булгар отличался единством и военной мощью. Вот потому и отнюдь не случайно, когда в 1223 году русские войска на реке Калка потерпели позорное поражение, наши болгарские предки в том же году первыми в истории победили монгольскую орду. Разъяренный Субэдей еще дважды - в 1229 и 1232 годах - с 30-40-тысячными полчищами нападал на Булгарское государство. Но оба раза он потерпел позорное поражение на Жигулевских горах и вынужден был отступить в Азию. В 1236 году громадную армию, состоящую из 150 тысяч всадников, возглавил уже сам Батый-хан. И первой жертвой среди европейских государств он выбрал непокорную, сильную, единую Великую Булгарию. Штурм столицы государства шел 45 дней. Монгольские захватчики лишь после стольких усилий ворвались в Биляр. А ведь это же войско одолело город Владимир, где восседал великий русский князь Георгий Всеволодович, всего лишь через 5 дней...

Вот таковы они, реальные страницы седой истории. Но, к великому сожалению, народ их не знает. Из поколения в поколение ведется оболванивание масс ложной историей. Все, что было славного в истории других наций и народностей, населявших территорию нынешней империи, присваивается русскими. История же малых народов в основном замалчивается или же она преподносится так, что "меньшие братья" вынуждены бывают "свое" прошлое не афишировать. А если и случаются открытия инородными (все нации и народности в Российской империи, кроме русских, естественно, по русской же логике - инородцы) учеными, то часто они приводят к перетягиванию каната, т.е. к претензии на данный успех со стороны нескольких малых народов. Так славные подвиги одной нации присваиваются чужими "учеными" ради восхваления своего народа. Раздетые догола русскими малые народы в бесконечном раздоре между собой пытаются прикрыться латано-перелатаными историческими одежками. Поэтому, наверное, даже у таких известных памятников литературы, как поэмы "Юсуф и Зулейха", "Хосров и Ширин", "имеются" по нескольку авторов. А литературных корифеев Мухамметьяра и Акмулла никак не могут "поделить" казахи, башкиры и татары. Мусульманские ученые чернят друг друга, не ищут перемирия. А московские "интеллигенты" довольно посмеиваются. Так торжествует кровавый принцип "разделяй и властвуй!"...

Собственно, история татарского народа тоже обкрадена и оболгана. Период с 1236 года - даты разгрома монгольскими полчищами Булгарского государства - и до 1437 года (создание Казанского ханства) вовсе

вычеркнут из прошлого наших предков. Да и события, произошедшие после покорения Казани Иваном Грозным, почти не освещены в книгах по истории. Не встретите вы популярных книг и об истории XVII-XIX веков.

Мы можем перечислить сотни научных и художественных книг про крестьянские войны под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, написанных как русскими, так и "инородными" авторами. Имя башкирского героя Салавата Юлаева знакомо сегодня почти каждому ребенку, едва переступившему школьный порог. И в то же время татарский народ сегодня не знает ни то что биографии и подвиги, но даже полных имен своих героев. Таких, к примеру, как Канзафар Усаев и Бахтияр Канкаев, удостоившихся наравне с Салаватом бригадирского звания в армии "государя Петра III", полковники Мясогут Гумеров, Абзялил Сулейманов, Исхак Ахметов, Муса Алиев, Ярмухамет Кадырметов, Садык Сеитов, Муса Мустафин, Юсуф Енгальчев, Абдулла Туктаров, Аит Уразметов, Асылгужа Мутачев, Рахмангул Дуслиев, Абдулфаик Усманов, Абдулла Мустаев и десятки других предводителей отрядов. За исключением работы доктора исторических наук Салыма Алишева "Каһарман бабайлар" ("Наши славные предки"), увидевшей свет в 1976 году, да и то малым тиражом, у нас нет ни одной книги на татарском языке, посвященной крестьянским восстаниям, тем более - освободительному движению татар, борьбе против русской колонизации.

Печально, но факт: сегодня наше молодое поколение почти совсем не интересуется прошлым своего народа. Вот и бытует ложное представление, будто "татарский народ смирился с фактом порабощения русскими уже в 1552 году и после вовсе не пытался бороться за свою независимость, за возрождение своего государства". И ту справедливую, священную борьбу, которую мы ведем сегодня ради построения свободной от московского диктата и грабежа независимой Республики Татарстан, русские "политики" и подпевающие им манкурты пытаются преподнести как выдуманное старой номенклатурой и необоснованное действие, фактами неподтвержденное желание или же как движение, порожденное горбачевской "перестройкой".

В действительности же как татары, так и чувашы, башкиры, черемисы, вотяки и другие народы, населявшие Казанское ханство, никогда не смирялись со своим рабством. Уже в 1552 году они, объединившись, начали справедливую освободительную борьбу против русского гнета, за воссоздание Казанского ханства. Освободительные восстания повторялись через каждые 10-15 лет. Эту священную войну возглавляли в разные годы Мамыш-Берды, Али-Акрам, Сарый-багатур, Джансеит, Джангали Шугуров, Сеит Ягафаров, Тюлекей-батыр, его сын Кусюм Тюлекеев, Алдар Исянгильдин (Исякаев), Кильмяк Нурушев, сын Кусюма Акай, сын Акая Абдулла, Карасакал, Батырша (Абдулла Галиев), Мурат-мулла и десятки других славных героев. Ради спасения своей нации от русского ига все они сложили головы или на поле брани, или на виселицах.

Нетрудно заметить, что в ходе проведенных боев за независимость выросли целые династии предводителей, такие, как Тюлекей -Кусюм - Акай - Абдулла. Тюлекей-батыр возглавил борьбу в 1682-1684 годах, восстание 1705-1711 годов - Кусюм, предводителем восстания 1735-1740 годов стали Акай и Абдулла. Причем у Тюлекея и Акая жизнь прервалась на виселицах. Такое самопожертвование, такое беззаветное служение своему народу, такой героизм - это, наверняка, единственный пример из истории всего человечества. Если бы любая другая нация имела подобный аналог, то, уверенны, она сложила бы песни о легендарной династии, создала бы романы, в их честь возвела бы памятники, их имена присвоила бы городам и весям. Но, как это ни удивительно и прискорбно, сегодня даже доктора наук не знают полные имена своих славных предков...

Освободительные войны XVII-XVIII веков разворачивались в Казанской, Уфимской, Оренбургской губерниях, охватывали почти всю территорию от Волги до Урала. Кроме татар и башкир в них нередко

участвовали представители и черемис, чувашей, мордвы, удмуртов. Но в подготовленных московскими "учеными" книгах или одобренных ими же других исторических учебниках большинство из этих восстаний преподносятся как выступления лишь башкирского народа. Московским политикам, да и уфимским ученым в советское время выгоднее было именно такое толкование. Ибо, как известно из советских учебников, башкирский народ в 1553 году "добровольно" вошел в состав русского государства. А то, что "от имени башкирского народа" преклонили перед Иваном Грозным головы всего лишь три ходока-предателя: мурза Бикбов из Усерганского рода, Мушул Каракузьяк от кара-кипчакцев и Шигали Шигман из тамьянцев - это было спрятано за черный занавес. Зато показ освободительных восстаний XVII-XVIII веков исключительно башкирскими рекламировался вовсю. Ибо и через века цель московских правителей осталась той же: вбить клин между татарами и башкирами и, в конечном итоге, посорить эти два родственных народа.

В действительности история татарского и башкирского народов, как издревле, так и после их порабощения русскими, сплетена настолько крепко, что их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. В любом национально-освободительном восстании после 1552 года эти два народа плечом к плечу выходили на поле брани, сообща праздновали победы, вместе же хоронили павших. До 1742 Уфимская провинция подчинялась Казани. После этого, и опять же с целью разъединения двух родственных народов, эту провинцию передали под ведомство Оренбурга или выделили в отдельную губернию. Мензелинский уезд и вся территория Бугульминского ведомства, почти полностью состоящие из татар, передавались в Уфимское, Оренбургское, Казанское подчинение и выглядели как безродные и бедные сироты. А основную тяжесть всех освободительных восстаний несли, в первую очередь, именно эти два уезда. Основные, решающие бои с карателями происходили на территориях таких районов, как Актанышский, Муслюмовский, Мензелинский, Тукаевский, Сармановский, Заинский, Азнакаевский., Альметьевский, Черемшанский, Лениногорский, Бугульминский, Ютазинский, Бавлинский, которые в свое время были подчинены Уфимской или Оренбургской администрации, а ныне входят в состав Татарстана. Татарские крестьяне этих районов нередко становились решающей силой в ходе восстаний, и они же первыми встречали карателей, чаще других подвергались грабежу, разбою со стороны царских полков.

Не можем не остановиться еще на одном моменте. Тысячи представителей татарского народа, спасаясь от порабощения и насильственного крещения, стали убегать в Закамье и поселяться вдоль рек Белая, Ик, Сюнь, Чермешан, Танып, Тулва, Уфа, Аи сразу же после падения Казанского ханства. Еще в XVI-XVII веках, судя по историческим документам, датированным 1574, 1682, 1705, 1711 годами, на территории нынешнего Башкортостана были основаны такие татарские села, как Карышбашево, Киги, Атов, Юкаликулево, Турышево, Явгильди, Арсланово, Мустафино, Тулюково, Тамьяново, Сеитово, Илмурзино, Байгузино, Имангулово и десятки, десятки других. Поселившись на территории полукочевого народа, татары сразу же стали возводить мечети, открывать медресе, осваивали земледелие, обменивались невестами, справляли совместные свадьбы. Происходила естественная в этих условиях ассимиляция татарского и башкирского народов. И, безусловно, когда на их земли вступали карательные полки или грабили их царские чиновники, то татары и башкиры совместно поднимались в защиту друг друга, вместе же выносили все тяготы и лишения.

Видимо, именно поэтому башкирские старшины всегда с распростертыми объятиями встречали все новых и новых переселенцев-татар и наделяли их лесами, озерами, лугами, землей. Чтобы разъединить два родственных народа, царское правительство в начале XVIII века неоднократно посылало регулярные полки с целью насильственного возвращения беглых татар в Казанский уезд. Но где бы не появлялись царские отряды, башкиры первыми поднимались в защиту татар. Не помогло и издание Анной Иоанновной в 1736 году специального Указа о запрещении браков между татарами и башкирами. Татарские семьи по-прежнему продолжали поселяться между Камой и Уралом, и эти земли уже сотни лет назад стали для них родными. Для подтверждения своих слов приведем и цифры. Если в середине XVIII века на территории Башкортостана насчитывалось 412 тысяч жителей, то более 200 тысяч из них

составляли переселенцы. В то время (уже в то время!) царские чиновники разделяли татар на три группы: тептяри, мишары и казанские татары (большевистское руководство их переплюнуло: татар сегодня разбили на казанских, сибирских, крымских, ногайских, астраханских, даже нижгарских). В 1747 году в Башкортостане проживало 57500 тептярей и 10100 мишарей. О казанских же татарах обособленных данных нет. Известны данные, появившиеся позже: в 1917 году здесь проживало 650 тысяч татар, башкиры же в 1920 году составляли 524 тысячи человек (Р.Сibaгaт. Башкортостан татарлары җәм аларның теле. "Казан утлары", 1992, №1).

Вернемся, однако, к истории национально-освободительной борьбы и обратим внимание еще на одну особенность. Где бы ни вспыхивали восстания, в XVI-XVII веках основной удар повстанцев, как правило, был направлен на важнейшие форпосты колонизаторов - Уфу, Мензелинск и Казань. Именно здесь сосредотачивались русские карательные отряды и ненасытные царские чиновники. В ходе восстаний жители практически всех татарских сел, расположенных между Уфой и Казанью, активно включались в повстанческие отряды. Причем частенько именно они становились решающей силой в борьбе против колонизаторов. Соответственно и каратели обрушивали свои кровавые удары в первую очередь на татарские села, входящие ныне в Сабинский, Пестречинский, Балтасинский, Мамадышский, Рыбно-Слободский, Азнакаевский, Елабужский, Мензелинский, Актанышский, Тукаевский, Сармановский, Муслюмовский, Бугульминский, Агрызский и другие районы.

Исходя из вышеперечисленных доводов, мы с полным основанием можем утверждать, что все восстания XVI-XVII веков - это ни что иное, как *совместная борьба татарского и башкирского, нередко и марийского, чувашского, удмуртского народов* против колониального ига. Борьба за национальную свободу и возрождение Казанского ханства.

1.ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА.

Самым черным, самым трагическим днем в истории татарского народа стало 15 октября 1552 года. Именно тогда после 41-дневного штурма пала столица и 150-тысячная армия Ивана Грозного разгромила цветущее Казанское ханство. 30-тысячнос войско защитников Казани в ходе боев было поголовно уничтожено. Кровавого Ивана не удовлетворили и такие жертвы. После вторжения в Казань русские колонизаторы произвели страшную резню. "Все мужское население громадного города было истреблено. Из мужчин был оставлен в живых лишь один хан Ядыгар... Немало было убито и женщин... С женщинами было поступлено также жестоко: царь отдал их в полное распоряжение своим солдатам" (М. Худяков. "Очерки по истории Казанского ханства". - Полные данные об использованной литературе приведены в конце книги). Каждый русский солдат завладел татарским пленным. "Грабеж начался сразу же, как только русские ворвались в город... Город представлял ужасное зрелище: пылали пожары, дома были разграблены, улицы были завалены трупами, везде виднелись потоки крови" (М. Худяков). Для въезда Ивана Грозного в город едва смогли очистить одну улицу, и то в длину всего сто сажен.

"Чудовищное избиение жителей взятой Казани составляет одну из самых тяжелых страниц русской истории. Такою колоссальною гекатомбою (преднамеренное умерщвление огромного количества людей - В. И.) человеческих жертв закончился "крестовый поход" христолюбивого воинства против казанцев, первое выступление русского государства на путь территориальных завоеваний" (М. Худяков).

Столица пала. Город был разграблен. Погибли тысячи произведений высокого мастерства и искусства. Богатству народа, накопленному целыми поколениями, был нанесен страшный удар. Были стерты с лица земли прекрасные мечети, ханский дворец, другие архитектурные памятники. Национальная библиотека, а значит, вместе с ним и часть истории татарского народа были уничтожены. Тысячи женщин и детей были увезены в плен. Но не был сломлен свободолюбивый дух народов, населявших Казанское ханство.

Почти сразу же после отъезда Ивана Грозного на территории бывшего ханства вспыхнули первые выступления за независимость.

Уже в начале 1553 года в 70 верстах от Казани, у реки Мёша, был создан первый отряд восставших. Его предводителями стали Джансеит и Сарый-батыр. Восставшие соорудили здесь крепость Мёша-Тамак и оттуда нападали на сборщиков ясака. Из Свияжска против них был направлен карательный отряд Б. Салтыкова. Повстанцы его успешно одолели. Они убили более 200 карателей, самого Салтыкова и еще 200 человек взяли в плен.

Еще более крупное повстанческое войско собрал Мамыш-Берды. Своим местом пребывания он избрал Чалымскую крепость, что на 15 верст ниже Козмодемьянска, в 160 верстах от Казани, на правом берегу Волги. Повстанцы Мамыша-Берды решили воссоздать Казанское ханство и на трон пригласили брата царицы Сююмбике -мурзу Али-Акрама. Большое войско в помощь восставшим обещал и Юсуф мурза - отец Сююмбике.

Разведав обо всем, Иван Грозный летом 1553 года направил на земли Казанского ханства новые оккупационные отряды под командой Д. Адашева. В сентябре им на помощь двинулись новые отряды карателей под руководством воевод-князей С. Микулинского, И. Шереметева, П. Морозова, А. Курбского и других. У всех команд цель была одна: полное покорение Казанского ханства. Ради этого каратели не останавливались ни перед чем.

"Русские отряды беспощадно опустошали страну. Они шли от селения к селению, уничтожая все на пути, сжигая деревни, отбирая скот, уводя всех жителей в плен, ... предавая все огню и мечу. Зимой 1553-1554 годов русские взяли и сожгли крепость на реке Мёша" (М. Худяков). В плен было взято 6000 мужчин, 15000 женщин и детей. Обезумевшее от ужаса население вынуждено было присягнуть на верность Кровавому Ивану.

Освободительная война возобновилась летом 1554 года. К Мамышу-Берды и Али-Акраму присоединились луговые черемисы. Русские направили против них карателей под командой И. Мстиславского. Русскими головорезами были опустошены 22 волости, уничтожено несколько десятков селений. Несколько тысяч повстанцев и мирные жители, взятые в плен, были беспощадно казнены. Редели ряды повстанцев, и к весне 1556 года у Мамыша-Берды осталось всего 2000 воинов. В апреле на Чалым была направлена русская команда под руководством П. Морозова. Крепость была взята, Али-Акрам был убит, чувашаи выдали Мамыша-Берды русским. Народный вождь был казнен в Москве. После него освободительную борьбу пытался возглавить Ахмед-батыр. Однако в неравном бою он был захвачен русскими и тоже казнен. Край был присоединен к русскому государству. В 1557 году уже началась раздача казанских земель русским людям. В край хлынули русские переселенцы, ими захватывались лучшие земли.

Уже в 1572-1573 годах на территории бывшего Казанского ханства произошли новые восстания. На этот раз против русского ига поднялись народы горских и луговых сторон. Казанская местная администрация не смогла подавить восстание собственными силами, на помощь были вызваны войска из Москвы. Только объединенная мощная армия карателей на время остановила освободительную борьбу. Но в 1582 году поволжские народы снова вместе поднялись против русского произвола. И на этот раз на помощь местным воеводам были направлены московские полки. Это ни к чему не привело - восстание продолжалось. Угасло оно само собой в 1584 году лишь после смерти Ивана Грозного.

Конечно же, нестихающее в течение десятков лет освободительное движение поволжских народов серьезно встревожило царский двор. Потому-то в 70-е годы Иван Грозный предпринял активные

действия по строительству надежных крепостей в Поволжье и созданию там военных гарнизонов, тем самым добиваясь усиления колонизации и еще большего притеснения захваченных недавно народов. Посланный царем воевода Иван Ногай в 1574 году на берегу Белой заложил Уфимскую крепость, а в 1584 году возник Мензелинск ("Өфө тарихы"). Тогда же появились неподалеку от Казани новые крепости: Царевококшайск, Царевосанчурск, Уржум и Малмыж (М. Худяков).

Но усилия царских властей были тщетны. Свободолюбивый дух народа остался несломленным. В 1592 году в Казанском крае вспыхнуло новое восстание. Многочисленные полки карателей подавили его быстро. Царю Федору Ивановичу и это показалось недостаточным. В 1593 году по доносу архиепископа Гермогена он издал Указ о разрушении всех мечетей и медресе на завоеванных землях. Здесь же содержались указания о расселении крещеных татар в отдельности от некрещеных; мусульманам, под угрозой смерти, запрещалось заниматься изготовлением оружия и плавкой металла. Когда шла война на выживание, когда царские притеснения касались святая святых - религии, то естественно, все это вызывало новую волну гнева. Ведь уже и так, в 1555 году, в столице бывшего Казанского ханства была создана новая епархия. Царские полки и миссионеры во главе с епископом Гурием начали насильственную христианизацию. Тогда в Казани были разрушены почти все мечети, на их месте началась постройка церквей и монастырей. Все дома, дворцы, земли были отняты. Вокруг Казани, на расстоянии 50 верст, не осталось ни одной татарской деревни. А их жители насильственно изгонялись с берегов Волги и Камы. Самые удобные и урожайные земли заселялись русскими и священнослужителями. Например, современный город Елабуга, ранее носивший название Трехсвятское, был основан на татарской земле в 1557 году и подчинялся непосредственно царскому двору ("Над Шишкинским бором рассвет").

Царская колонизаторская политика вызывала возмущение у казанцев. Потому период смутного времени был для них желанным моментом. Татары искали контакты с поляками, перестали платить ясак Москве, активно участвовали в восстании Ивана Болотникова. Московские правители поняли, что Казанский край невозможно покорить лишь военной силой. Вот почему на Земский собор 1613 года были приглашены и казанцы. А на московский трон было выдвинуто даже несколько кандидатур из рода казанских ханов. Собор выбрал новым царем русского Михаила Романова, на грамоте наряду с другими боярами расписались и семеро казанских мурз (Г. Исхаки).

Рядовые казанцы, однако, были далеки от фальшивой игры царского двора. И когда в 1615 году царь издал оскорбительный Указ о введении денежных налогообложений для инородцев, приволжские народы ответили на это новым мощным восстанием. Казанцы были возмущены и тем, что с 1613 года служилых татар стали забирать на воинскую службу. В 1615 году число татарских всадников, отправленных на войну против Польши и Литвы, достигло 6019 человек (С. Алишев. Жангали батыр. "Мирас", 1993, № 10). В новом восстании повстанцев возглавил Джангали (Еналей) Шугуров (по Г. Губайдуллину, он родом из деревни Урманево Казанского уезда, фамилия у него - Джанмаметов). Повстанческие отряды нападали на Казань, Свияжск (центр колонизации и насильственного крещения), Сарапул, Нижний Новгород, Арзамас, Муром. Казанский воевода В. Долгорукий направил многочисленные полки против "воров". Два из них были разгромлены повстанцами. Но в ходе боев было уничтожено и множество татар и черемисов, сам же предводитель Джангали попал в плен. Его привезли в Казань и повесили. Другой же активный участник восстания - служилый татарин Янсара Текеев из деревни Малые Салтани Ногайской дороги был увезен в Москву и погиб там. "Еналеевское восстание" (в историю оно вошло под таким названием) было потоплено в крови в 1616 году, но отдельные выступления казанцев продолжались еще три года.

Москва продолжала политику умиротворения Казанского края. С целью ослабления класса татарских помещиков в 1628 году был издан Указ, запрещающий мусульманским мурзам владеть крепостными христианами. В 1648 году он был, что называется, продублирован, но уже с добавлением: крещеным

помещикам оставляются их поместья с крепостными христианами. Множество бояр с тюрко-татарскими фамилиями стали появляться именно после этого Указа (Г. Исхаки).

Для планомерного подавления и предотвращения новых восстаний непокорных казанцев царский двор применял и немало административных мер. По Указу царя в 1650-1658 годах была создана Закамская укрепленная линия. Именно тогда силами пригнанных со всех концов Прикамья местных крестьян на татарской земле были воздвигнуты Челнинская, Заинская, Елабужская, Ново-Шешминская, Ерыклинская, Билярская, Чистопольская крепости. Они же должны были пресечь уход на восток вольнолюбивых татарских крестьян.

Продолжалась и колонизация татарских земель. Так, к 1646 году количество русских помещиков, обосновавшихся на землях Казанского ведомства, достигло уже 334 (С. Алишев).

Политика усмирения казанцев усилила вражду между русскими и приволжскими народами. В 1662 году казанцы поднялись на борьбу за уничтожение русских крепостей. Челнинская крепость тогда была полностью уничтожена. Когда началось восстание Стеньки Разина, татарский народ почти полностью влился в его отряды. Вот почему князю Барятинскому, шедшему с огромным карательным отрядом на выручку в осажденный Симбирск, пришлось выдержать четыре серьезных боя с татарами в устье реки Казани. Находились татарские повстанцы и в штабе самого Стеньки. Так, "прелестные письма" Хасана Карачурина в мусульманском мире находили широкую поддержку. Проходит немного времени после подавления Разинского восстания, и опять на всей татаро-башкирской земле поднимается новый сильный бунт.

2.БУНТ СЕИТА-ТЮЛЕКЕЯ.

К 1682 году - началу нового восстания в ходе освободительного движения - захват земель в Казанской провинции был уже почти завершен. Русские колонизаторы перешли в Закамье и уже там стали захватывать лучшие участки земли, находящиеся неподалеку от Уфимской, Мензелинской, Заинской, Осинской крепостей. У нас нет точных данных именно о 1682 годе, но к 1700-му число русских помещиков в Закамье достигло 162 дворян (И. Акманов). Беззастенчивый захват земель шел и со стороны христианских монастырей. Так, лучшие земли в Мензелинском воеводстве, по рекам Кама, Ик и Белая, насильственно захватили Саввино-Сторожевский и Костромской монастыри. Начиная с 1655 года, жители нескольких волостей Мензелинского воеводства направляли челобитные в Москву с требованием вернуть земли. Тяжба между монастырями и мусульманскими старшинами продолжалась десятки лет, и всегда какой-нибудь ее этап заканчивался запугиванием местных мусульман. Увидев бессилие местного населения перед царскими властями, на закамские земли позарились священнослужители и Елабужского, Успенского, других монастырей. Вместе с основанием русских сел и поместий шло и разорение мусульманских вотчин. С волчьим аппетитом наступали на башкирские земли и знаменитые Строгановы.

Шло обирание местного населения и в налоговой политике царизма. Жителей закамских волостей грабили как уфимская, так и казанская администрации. Например, если в 1682 году жители Байларовской волости, расположенной между Мензелинском и Челнами, платили Уфе 114 куниц и 21 батман меда в виде ясака, то в Казань они платили деньгами 17 рублей 27 алтынов 2 деньги.

Такой произвол в земельной и налоговой политике царизма, естественно, вызывал возмущение местного населения. К тому же царский двор не забывал и о насильственном крещении инородцев. В Указе от 16 мая 1681 года принцип насилия был провозглашен открыто: за отказ креститься нерусские феодалы теряли свои земли, а рядовые массы превращались в крепостных. С целью реализации этих положений решением от 27 ноября 1681 года в Уфе создается самостоятельная епархия (И. Акманов).

В ответ на русский произвол татаро-башкирское население взялось за оружие. В апреле 1682 года восставшие обрушились на закамские крепости. В мае в осаде черемис, мордвы, башкир, татар оказалась Уфа. Восставшими были заняты семь пригородов Казани. Количество повстанцев царские чиновники оценили в 30 тысяч, но, по-видимому, эти данные преувеличены. В июне восставшие захватили Пьяный Бор (Красный Бор в Агрызском районе Татарстана), запылали монастыри и церкви, помещичьи усадьбы. Татары, башкиры, мордва осадили Каракулино, Кунгур, напали на Самару.

Главным вождем восстания выступил феодал Сеит Ягафаров. Более конкретных данных о нем пока не найдено.

Восстание охватило Казанское, Мензелинское, Уфимское, Кунгурское и другие воеводства. Казанский воевода П. Шереметьев и воевода Уфы Коркодинов обратились за помощью в Москву, которая отправила карателей во главе с князьями Д. и П. Барятинскими. Со святыми иконами в руках в путь их проводила сама царевна Софья.

1682 год с самого начала был сложным и для русского трона. Умер сын Алексея Михайловича - царь Федор. Боярская дума "самодержавными правителями" провозгласила одновременно двух наследников престола - десятилетнего Петра Алексеевича и его болезненного брата Ивана. Для них были изготовлены короны и специальный трон, дабы они могли уместиться на нем вдвоем. В действительности же управлять государством собиралась боярская Дума. Но власть захватила Софья, поддерживаемая Милославскими и стрельцами.

Положение народов Поволжья оставалось незавидным. Например, 43 из всех проживавших в 1678 году в Елабуге крестьянских семей кормились только поденщиной или подаванием. Если в конце 70-х годов XVII века в Челнах насчитывалось 143 двора, то в 82 из них хозяева покинули свои дома, сбежали от голода.

В начале июня 1682 года неподалеку от Мензелинска, между реками Ик и Кама, столкнулись две грозные силы. Предводитель восстания Сеит был ранен. В бою отличился Тюлекей-батыр, пришедший со своим отрядом из Тамьянской волости, что в 60 верстах от Мензелинска. Каратели же, возглавляемые Шереметьевым, Коркодиновым и Барятинскими, вынуждены были с позором отступить.

Размах восстания и успехи повстанцев встревожили центральную власть. 8 июля от имени царей Петра и Ивана была направлена специальная грамота с обращением к восставшим. Правительство отменило Указ от 16 мая 1681 года о насильственном крещении.

Грамота внесла раскол в ряды восставших. Часть повстанцев прекратила борьбу, выборные представители от них во главе Кучука Юлаева направились в Москву с челобитной о прощении. Сеит же с другой группой продолжал борьбу. В июле на помощь повстанцам подошло четырехтысячное калмыцкое войско. Они действовали в районе рек Ик и Сюнь. 27 июля повстанцы осадили Мензелинск. Тогда же было занято село Николо-Березовка. Произошли бои возле Уфы.

В Казани воевода Шереметьев имел под своей рукой 5478 солдат, но считал их недостаточной силой для выступления против повстанцев. Он попросил у правительства дополнительные силы. Москва же вела тогда политику разъединения народов. Благодаря подаркам и обещаниям правительства, в начале 1683 года калмыки отошли от восстания. Со стороны правительства были предприняты и другие меры. Был

снят с поста Уфимского воеводы Коркодинов, на его место поставили Д. Барятинского. В Казань были направлены дополнительные силы под командой князя Ю. Урусова.

Весной 1683 года повстанцы напали на Билярск, сожгли слободу. Заволновались многие волости и в Закамье. В июне все карательные силы Урусов сосредоточил в Мензелинске. Сюда же, на подмогу карателям, подошли яицкие казаки. Произошел ряд серьезных боев около Мензелинска. К сожалению, повстанцы потерпели поражение.

Отдельные выступления повстанцев возобновились в 1684 году. Но уже разрозненные отряды не смогли устоять против царских полков. Тюлекей-батыр был схвачен палачами и казнен. О дальнейшей судьбе Сеита Ягафарова не известно. В народе живет предание, будто его, схваченного в плен, сначала ослепили, выколол глаза, затем казнили.

3.НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I.

Семнадцатилетний Петр I вновь взшел на царский трон в октябре 1689 года. Его первым, достойным внимания делом были два военных похода, организованные ради завоевания черноморского побережья и захвата Азовской крепости. Как известно, первый поход окончился бесславно, лишь во второй раз Петр овладел Азовом. В обоих походах наряду с русскими участвовали и татаро-башкирские всадники. А башкирский старшина Бурзянской волости, раскинувшейся на просторах междуручья Белой, Сакмары и Яика, Алдар Исянгильдин (Исякаев) за свою храбрость был даже удостоен сабли с позолоченными ножнами и грамоты на тарханство из рук самого Петра (И. Акманов, Г. Хусаинов).

Бурная и многогранная деятельность Петра начинается с 1700 года. 8 августа он добивается мирного договора с Турцией о взаимном ненападении, а уже утром 9 августа объявляет войну Швеции. Однако первая же битва за Нарвскую крепость показала слабость и неподготовленность русских войск. 19 ноября, переодевшись в крестьянскую одежду и бросив войска, Петр бежал в глубь России. Смоленск и Москва лихорадочно стали готовиться к осаде войск Карла XII.

В том же году начинается создание новой армии и флота. Из колоколов, снятых с церквей, отливаются 300 новых пушек. Петр I, где уговорами, а где и силой, собирает деньги и драгоценности у монастырей и богатых дворян. Вместо натуральных налогов с крестьян Петр вводит денежную плату. В то же время были основаны новые металлоплавильные заводы на берегах Камы, Белой, у Уральских гор. В 1700-1704 годах возникли Уктусский, Невьянский, Каменский заводы, вследствие чего тысячи десятин прекраснейших лугов остались под плотинами, сотни гектаров леса были повалены для заготовок угля. Промышленники почти бесплатно забирали землю у местного населения, а крестьяне целыми деревнями закреплялись за заводами. Конечно, такое самоуправство само собой рождало недовольство среди местного населения, и достаточно было малой искорки для возникновения нового восстания. И такая искра вспыхнула.

Русские войска, добившись успеха в войне против шведов, захватили крепости Шлиссельбург, Копорье, Ям, Дерпт, Ниеншанц, Иван-город, наконец-то, 9 августа 1704 года, взяли и Нарву. 16 мая 1703 года началось строительство Санкт-Петербурга на финском острове Яниссари (Заячий) и крепости Кроншлот (Кронштадт). И война, и огромное строительство требовали все новых и новых расходов. Не зная других путей для накопления капитала, кроме грабежа крестьян, царь Петр еще крепче усиливает давление на них. По его Указу по всей России была введена система дополнительных налогов, для их сбора в Казанский край Петр направил двух своих эмиссаров - "прибыльщики". По задумкам царя прибыльщики должны были взимать с крестьян налоги за захоронение усопших в дубовом гробу, за бани и даже за использованные в них веники.

4.АЛДАР-КУСЮМОВСКОЕ ВОССТАНИЕ.

"Прибыльщики" Андрей Жихарев и Михаил Дохов, следуя в Уфу через Казанское и Мензелинское воеводства, проявили чрезмерное "усердие" в выполнении царского Указа. Они к существующим пунктам добавили десятки новых: о дополнительных налогах за каждую печную трубу, за посещение базара и мечети, за каждое обручение с новобрачными и обручающих их мулл, за каждую голову скотины, пасущейся в стаде, за молитву за усопших... Были введены налоги с ульев, с кож, с хомутов, с дуг, с прорубей, с окон, с погребов, с ворот... До того буйно разгулялись фантазия и жадность эмиссаров, что они решили внести пункт о сборе налогов за цвет глаз: по шести копеек с сероглазых и восемь копеек с черноглазых!..

Для слушания большого "царева" Указа в октябре 1704 года в 12-ти верстах от Уфы, на месте слияния рек Белая и Чесноковка, собрали татарских и башкирских старшин, проживавших в Мензелинском, Уфимском, Бирском, Исетском воеводствах. Естественно, что этот "додуманный" прибыльщиками и состоявший уже из 72 пунктов "Указ" вызвал ненависть у собравшихся. Разъяренные старшины избили эмиссаров, а их "Указ", разорвав в клочья, выбросили в реку ("Очерки по истории Башкирской АССР").

Такая "наглость" мусульманских старшин не могла остаться безнаказанной. Комендант Казани генерал Никита Кудрявцев, с целью устрашения и кровавой расправы с непокорными мусульманами, послал в Закамье под командованием полковника Александра Сергеева два драгунских и четыре пехотных полка, в каждом из которых состояло не менее 500 солдат. В феврале 1705 года карательные войска вступили в Мензелинск. Сергеев решил поставить местное население на колени. Под предлогом ознакомления с новым Указом он созвал в Мензелинск выборных представителей из деревень, расположенных по берегам Камы, Белой, Ика, Сюни, Дёмы, Калмии. Собравшихся арестовали, многих из них избили, пытали, бросили в подвалы, где немало число погибло от ран и голода.

Но и это показалось Сергееву недостаточным. Взбесившийся полковник разослал пехотные полки Тимофея Бордовика, Леонтия Есипова, Ивана Макарова, Федосея Иванова - в ближние, а драгун братьев Льва и Сидора Аристовых в дальние деревни, чтобы огнем и мечом пройти по всему краю. Отряд князя Дмитрия Уракова был отправлен на Азякуль (в Актанышском районе Татарстана) и другие деревни возле Белой. Каратели дотла сожгли деревни Ляки, Мензелетамак, у всех жителей отобрали лошадей. В деревне Ахметово (последние три деревни находятся сегодня в составе Сармановского района), состоящей из 22 дворов, они повесили троих, многих избили и ранили, при этом угнали 420 коней, сотни коров, овец и другой живности. У старшины этой деревни Дюмея Ишкеева каратели отобрали 64 лошади и 25 коров.

Старшины Байларовской волости, перепуганные непомерной жестокостью карателей и пытаясь угодить кровожадному полковнику, привели ему в подарок 24 белых аргамака. Но жители волости так и не смогли избежать кровавой расправы. В эту волость со своим отрядом прибыл дворянин Григорий Пальчиков и отобрал у жителей 125 скакунов, посадив непослушных крестьян раздетыми в холодные амбары и пытая их. Да и сам Сергеев здесь же собрал еще 100 лучших аргамаков и большое количество прекрасных мехов. При этом крестьян, не способных сдать боевых коней, вынуждали продавать своих жен и детей, чтобы таким образом те могли достать аргамаков и сдать их грабителям. Все отобранные от крестьян кони стекались в Мензелинск. Но только тогда, когда число собранных коней достигло четырех тысяч, Сергеев приказал двигаться в Уфу. А по дороге более тысячи коней "стогрели" от бешеного гона.

Дойдя до Уфы, Сергеев организовал такие же, как и в Мензелинске, карательные походы на Ногайскую дорогу. Однако жители этих волостей были уже наслышаны о жестокости царского полковника, и все они, снявшись целыми деревнями с насиженных мест, бежали за Яик. По дороге из-за голода они

потеряли немало стариков, детей, коней. Но все же походы Сергеева не удались. Всюду его встречали заколоченные дома и пустые амбары. Каратели вынуждены были вернуться назад.

Тогда Сергеев, опять же под предлогом ознакомления с "царским" Указом, созывает в Уфу старшин со всех четырех - Казанской, Ногайской, Сибирской и Осинской - дорог. Когда собрались сотни старшин, Сергеев снова проявляет свое коварство. Заперев старшин в крепость, он требует от них клятвы и подписи о том, что каждая из четырех дорог пригонит в Уфу по 5000 аргамаков. Конечно, такое требование было невыполнимым, и старшины отказались. Что делает Сергеев? Он сначала стал насильно спаивать старшин, связал их, насыпал на их руки и ноги порох и поджег его, обрекая людей на чудовищные пытки. Погибло несколько старшин, оставшихся в живых Сергеев бросил в тюрьмы, где скончались еще десятки мусульман.

Безусловно, такие зверства царских палачей должны были пробудить у местного населения ненависть. Первыми на восстание поднялись волости Казанской дороги. Во главе мятежников стал Дюмей Ишкеев. Повстанцы начали грабить русские деревни возле Мензелинской и Заинской крепостей, неоднократно вступали они в бой с драгунами полковника Сидора Аристов. Скоро к восставшим присоединились мишары и башкиры Ногайской дороги под руководством Иман-батыра, а также татары из деревень, расположенных возле Кунгурской крепости. Летом того же года восстали стрельцы Астрахани, недовольные новыми налогообложениями и порядками, введенными царем. Очень скоро между стрельцами и мусульманскими повстанцами установилась тесная связь. Оба лагеря задумали действовать вместе: идти штурмовать Москву и "скинуть" Петра с престола.

Для Петра и его окружения, ведущих бесконечные бои со шведами на севере и западе страны, поднявшийся на востоке России бунт был совсем некстати. Поэтому царь в спешном порядке выслал в Казань и Астрахань большое войско под начальством своего испытанного в свейских (шведских) войнах помощника - фельдмаршала Бориса Шереметьева. Царский эмиссар прибыл в Казань 18 декабря 1705 года и быстро выяснил причины возникшего в этом крае восстания. Вскоре он выпустил из тюрем безвинных узников, брошенных туда Сергеевым, и обратился к татаро-башкирскому народу с призывом прекратить бунт, в то же время направил к восставшим своего доверенного офицера с приглашением мусульманских вожakov на мирные переговоры. Однако старшины, остерегаясь очередного обмана и ареста, не откликнулись на приглашение. Шереметьев же, дав соответствующие указания Кудрявцеву и его подручным-полковникам, чтобы они впредь действовали с восставшими только путем уговоров, уступок и обещаний, но никак не огнем и мечом, - сам поспешил на подавление стрелецкого восстания в Астрахань ("История Татарии в документах и материалах", "Материалы по ист. Баш. АССР").

Части местного населения пришлось по душе стремления Шереметьева уладить создавшуюся в крае военную обстановку мирным путем. Поэтому 75 старшин закамских волостей, собравшись на курултай, решили прекратить восстание. При этом они написали челобитную на имя Петра с просьбой отменить "Указ" из тех "знаменитых" 72 пунктов (в народе данный Указ прозвали еще и "Указом налогов с глаз") и наказать кровожадного полковника Сергеева. Восемь выборных старшин во главе с Дюмеем Ишкеевым повезли эту челобитную в Астрахань лично фельдмаршалу. Шереметьев тепло принял посланцев и, добавив к их челобитной свое письмо с ходатайством решить поднимаемые вопросы в пользу восставших, сразу же направил их к царю. Ишкеевцы благополучно доехали до Москвы, были в ряде приказов. Но в это время Петр находился в Смоленске и посланцы Прикамья не смогли встретиться с ним.

Тем не менее, хоть и позже, эти письма дошли до царя. Он срочно вызвал к себе в Смоленск Кудрявцева и Сергеева, приказал отменить Указ о дополнительных налогах. По возвращении в Казань Кудрявцев лично, но, конечно, с охраной, выехал в Уфу, дабы собрать там старшин Закамья для переговоров. Но

местное население уже не доверяло этому генералу, приютившему под своим крылом палача Сергеева. Довольно большое войско восставших преградило путь Кудрявцеву у берегов Ика и вынудило его вернуться обратно в Казань.

Царские приспешники не пощадили старшин, прибывших в Москву в поисках справедливости. Все восемь были арестованы и в кандалах отправлены в Казань. По прибытии всех беспощадно истязали, Дюмея Ишкеева принародно повесили на площади перед Кремлем. Эта коварная расправа над старшинами послужила толчком к новому размаху восстания. Татаро-башкирские всадники напали на закамские крепости, подожгли и ограбили ряд русских деревень.

Летом 1707 года в Закамье прибыли новые полки карателей и направились в Уфимское воеводство. Осенью карательные отряды под командованием князя Ивана Уракова без всякого повода ограбили находившиеся по Ногайской дороге деревни Бурзянской волости, принадлежавшие Алдару Исянгильдину, когда-то получившему из рук самого Петра тарханную грамоту. Будучи самым богатым и крупнейшим шим-феодалом Ногайской дороги и владельцем восьми тысяч коней, Алдар-тархан, желая отомстить за грабеж, быстро собрал трехтысячное войско и начал преследовать карателей.

К этому времени еще более мощное восстание подняли жители Казанской дороги. Возглавлял их сын повешенного царскими палачами в 1684 году Тюлекея - Кусюм. Этот батыр владел стадами более чем в тысячу коней в Тамьянской волости, что неподалеку от Мензелинска.

Для подавления восстания из Казани в Закамье в спешном порядке были направлены драгуны Сидора Аристов и пехотный полк под командованием Ивана Рыдаря. А против Алдара-тархана из Уфы по Ногайской дороге двинулись войска под началом полковника Петра Хохлова - в них было 1300 солдат. Но именно в это время Кусюм-батыр и Алдар-тархан решили перехитрить посаженного Уфимским воеводой казанского дворянина Льва Аристов. Кусюм-батыр прибыл на встречу с Аристовым и объявил, что его пятитысячное войско присягает на верность царю и направится на подавление "воров" Алдара. Хитрость удалась. Причем Кусюм-батыр получил для своего войска правительственные знамена, а Аристов назначил даже "командующим" "верного" войска уфимского дворянина Федора Гладышева. Кусюмовцы двинулись "на помощь" Хохлову.

В октябре у горы Юрактау, что в 120 верстах от Уфы, встретились две грозные силы. С одной стороны - трехтысячный отряд Алдара-тархана, с другой - 1300 карателей Хохлова и "присоединившиеся" к ним 5000 всадников Кусюма. Вот здесь-то и раскрылась уловка мусульманских вожаков. Заранее договорившись, войска Кусюма-батыра и Алдара-тархана нанесли мощный удар по ничего не подозревавшему карательному отряду Хохлова. Но все же сказалась боеспособность регулярных царских полков, дворянские офицеры сумели организовать крепкий полевой лагерь. Тяжелые кровопролитные бои продолжались в течение 10 суток. Лишь после них тяжело раненому Хохлову с уцелевшими 370 солдатами удалось вырваться из окружения, и вскоре он скрылся за стенами Табынской крепости. Потерпели поражение и посланные против повстанцев карательные полки Ивана Рыдаря и Сидора Аристов.

Окрыленные крупными победами, повстанцы загорелись желанием уничтожить все карательные войска на своей территории и возродить Казанское ханство. Дабы поднять народный дух, вожаки восстания решили найти и будущего правителя. Они связались с каракалпакским принцем Мурат-султаном и пообещали ему ханский трон в случае возрождения Казанского ханства. Мурат прибыл к восставшим и с целью получения военной помощи, защиты и признания со стороны Крымского хана Давлет-Гирея и турецкого султана Ахмета III, в сопровождении 30 человек (22 из них были татарами) направился в

далекий и трудный путь. Он побывал и в Крыму, и в Турции. Однако поддерживающие с Россией мирный договор Давлет-Гирей и Ахмет-Султан не оказали помощи посланникам татар и башкир. Никто не признал Мурата и будущим ханом.

Здесь сделаем небольшое отступление и обратим свое внимание на внешние дела России. В это время Петр I основные военные силы сосредоточил на западной границе против Карла XII. Все со дня на день ожидали вторжения шведских войск в Россию. Южные же границы были тоже не очень надежными. Хотя и был заключен в 1700 году десятилетний мирный договор с Турцией, многим казалось, что он будет нарушен, и турки, одновременно со шведами, нападут на Россию. Опасения русского правительства были небеспочвенными. Крымский хан Давлет-Гирей ненавидел русских, организовывал не-прекращающиеся походы на южные города России и грабил их. От открытого вторжения на русские земли его удерживал лишь турецкий султан Ахмет III. Такое шаткое положение дел на юге было известно царскому двору и он старался вести более "гибкую" политику. Русский посол в Стамбуле П. А. Толстой не жалел "подарков" и золота для подкупа влиятельных турецких министров и иностранных наушников султана. Им "в подарок" было роздано свыше полутора миллиона золотых ефимков. Такой роскошный дар сыграл решающую роль, и Турция сохраняла мир с Россией (Н. Молчанов).

Забегая вперед, расскажем о дальнейшей судьбе Мурата. Безусловно, он был храбрым и умелым предводителем. Так, на обратном пути он смог поднять на восстание 1600 кубанских татар и с их помощью в феврале 1708 года захватил город Терек, в течение 10 дней держал в осаде его крепость. Но посланные астраханским воеводой Петром Апраксиным правительственные отряды, в их составе 400 астраханских татар (вот он - пример кровавой политики царизма: уничтожение мусульман руками самих же мусульман!), разгромили повстанцев. Раненый Мурат попал в плен. Сначала его пытали в Астрахани, затем препроводили в Казань, где он принял мученическую смерть на виселице, будучи повешенным за ребро...

Борцы же за свободу в Казанском и Уфимском краях пока еще не могли знать о предстоящей трагической судьбе своих посланников, и осенью 1707 года все они были полны решимости сражаться за полную независимость. С целью освобождения Казани от колонизаторов повстанческие отряды направились в Казанский край и в начале декабря подошли к Каме. Мензелинск был взят в осаду, начался штурм Заинска, шли бои возле Билярска.

Напуганный новым размахом восстания Кудрявцев, под благовидным предлогом, что нужно просить дополнительные карательные войска у царя, убежал в Москву. Добравшись туда, 27 декабря в Преображенском он сделал подробный доклад Петру I, представив царю восставших мусульман как диких и кровожадных врагов христиан. Волнения крестьян Поволжья встревожили царя. Ведь к тому времени его главный и самый страшный враг Карл XII находился уже в Польше и его 35-тысячное войско готово было в любую минуту напасть на Россию.

В эти месяцы Петр I настолько потерял самообладание и волю, что трудно верить даже историческим фактам. На какие только унижения не шел царь ради предотвращения вторжения шведского войска?!. Чтобы уговорить Карла XII о заключении мира с Россией, он лихорадочно начал искать посредников среди зарубежных влиятельных особ. Так, специальный посол Андрей Матвеев поехал к английскому герцогу Марльборо и, в случае удачи, от имени Петра обещал ему за посредничество в "подарок" 200 тысяч золотых ефимков, орден Андрея Первозванного, рубиновый камень неимоверной величины и княжество в одном из трех - Киевском, Владимирском или Сибирском - княжеств с годовым доходом в 50 тысяч ефимков. Увы, даже такая немыслимая щедрость не склонила Марльборо на сторону Петра. Английский герцог самолично прибыл в Саксонию и преклонил голову перед Карлом. Тогда Петр попытался добиться перемирия через французского посла в России Базенваля. Через него Петр обещал

вернуть Карлу все побережье Балтики, вдобавок сулил ему часть Белоруссии и Украины, лишь бы шведский король оставил за Россией Санкт-Петербург и устье Невы. И на этот раз русский царь услышал лишь надменный, унижительный ответ Карла о том, что он готов пожертвовать последним солдатом в своем государстве, чем оставит Питербурх в руках Петра. На полученные из России известия о том, какими сумасшедшими темпами строит Питербурх Петр I, Карл также отвечал лишь усмехаясь: "Пусть строит, все равно будет наш" (Н. Молчанов, В. Павленко).

Конечно, такие мрачные известия послов выводили Петра из себя, он вынужден был находиться в постоянном напряжении. Терзали его душу и сообщения о непрекращающихся набегах Давлет-Гирея на южные русские окраины. Осенью этого же - 1707 года вспыхнуло восстание донских казаков. Возглавляемые бахмутским атаманом Кондратием Булавиным казаки почти полностью истребили отряд князя Юрия Долгорукого, посланного Петром на Дон для переписи беглых и сбора денежных налогов. Царь отправил на Дон карательные полки, а восстание только разгоралось. А тут никак не прекращается мятеж башкир и татар в Казанском крае...

Почувствовавший себя как уж на раскаленной сковороде, Петр 30 декабря 1707 года созвал в Преображенское ближайших министров. Прибыли адмирал Федор Апраксин, глава приказа Казанского дворца Борис Голицын, бояре Тихон Стрешнев, Иван Мусин-Пушкин, Петр Львов, Лука Долгорукий. Здесь было решено срочно отправить в Казань 5 карательных полков. Командующим над всеми военными силами в крае назначается испытанный в сражениях со шведами бригадир Петр Хованский, его помощником - генерал Гулиц. Хованскому предоставляются неограниченные полномочия. Генерал Кудрявцев, прихватив с собой 5 тысяч фузей и столько же шпаг для вооружения казанских дворян и ремесленников, срочно выезжает обратно.

В Казани и так были сосредоточены уже 4 полка драгун под командой В. Шереметева, И. Болтина, Ю. Урна, А. Дмитриева-Мамонова. Тут же был создан отряд татарских феодалов в 1379 человек. Кроме них в крае еще действовали полки Леонтия и Федосея Есиповых, Ивана Рыдаря, Петра Хохлова, Льва и Сидора Аристовых. Были еще отряды карателей С. Вараксина, И. Уракова и многих других.

Но к этому времени национально-освободительное движение уже охватило весь огромный Волжско-Уральский край. Когда в декабре 1707 года повстанческие отряды перешли Каму, к ним присоединились татары почти всех деревень из четырех дорог Казанского воеводства, и число восставших, по оценкам царских чиновников, достигло 30-40 тысяч человек. *(Тут нам приходится сделать небольшое отступление от хода повествования и обратить внимание читателей на следующие цифры. В 1730 году Казанский губернатор Артемий Вольтер - будущий канцлер России - в своем рапорте Сенату доложил, что до 1710 года на территории Башкирии насчитывалось 35, от силы 40 тысяч жителей, естественно, мужского пола. Если следовать логике московских и уфимских "ученых" и рассматриваемое нами восстание признать чисто башкирским, то получится полный абсурд. Ну, не может же каждый башкир, тем более старик или грудной младенец, стать повстанцем!)*

На казанской земле выросли и новые вожаки восстания, такие, как Балта-батыр, Ахмет, Тойка, Куразман Уразов, Уразай Москов, Якуб Кулмаметов, Исмагиль-абыз, Урмэт, Азамат и десятки других. В конце декабря 1707 года повстанцы захватили Заинск, сам город выжгли и людей порубили. Ожесточенные бои развернулись вокруг Мензелинска, Новошешминска, Билярска, была взята в осаду Елабуга. Активно включились в восстание татары, башкиры, черемисы, вотяки, ары и возле Сарапула, Кунгура, они захватили ряд русских деревень.

Передовые отряды восставших шли на Казань. Исмагиль-абыз со своим трехтысячным отрядом занял

село Чистое Поле, перейдя Каму, захватил Рыбную Слободу, деревни Ошняк, Большие Салтани. Кусюм-батыр разорил Ильбухтинский монастырь (рядом с Челнами), Куразман Уразов осадил Мамадыш. В деревнях Сеитовы Сабы, Тюлячи, Баландыш, Савруш, Метяска - словом, кругом создавались все новые и новые отряды. Передовые из них уже захватили деревни Шуран, Чепчюги, Мокшино, Юнусово, Ия, Тюбяк, Чирпы, которые находились всего в 30-40 верстах от Казани, их жители тоже стали повстанцами (*неужели и эти села, и их жителей вы отнесете к башкирским, господа московские и уфимские "ученые"?*).

Вожаки отрядов создали свои специальные штабы восстания в селах Савруш и Балтаси, в 70-80 верстах от Казани. По всем дорогам были расставлены дозоры, с отрядами поддерживалась тесная оперативная связь. Многие отряды стекались в Савруш и Балтаси, все мятежники с нетерпением ожидали приказа о штурме столицы бывшего ханства и полного освобождения края от русского ига.

Получив известия о неслыханном размахе народного восстания, царские приспешники в Казани пришли в шок. Всех охватила паника, многие дворяне и купцы, нагрузив драгоценности, стали покидать город. Чтобы не допустить штурма Казани и отбросить повстанческие отряды подальше, Кудрявцев в начале февраля направил против мятежников целую бригаду карателей под командой А. Дмитриева-Мамонова. Однако скоропалительные меры Кудрявцева оказались безуспешными. Драгунский полк В. Шереметева с кровопролитными боями дошел до Мамадыша и, не выдержав боя с отрядом Куразмана Уразова, вынужден был отступить назад к Казани. Пехотные полки Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова, направленные для освобождения Елабуги от осады, не сумели пройти и половины пути. Не успели они выйти из села Тюлячи, как на них напали татары из деревень Сеитовы Сабы и Зюри. На другой день на помощь повстанцам прибыл из села Савруш отряд в 4500 человек. В результате сражения каратели потерпели поражение и отступили в село Баландыш. Здесь они были окружены мятежниками и простояли без действия 15 дней.

Но сказались отсутствие единства в действиях руководителей восстания. Алдар-тархан, прибывший в сопровождении 9 всадников в село Савруш лишь 1 марта 1708 года, предложил собравшимся там Кусюму, Исмагиль-абызу, Уразаю и другим вожакам назначить правителем будущего Казанского ханства некоего Хаджи-султана с почти неизвестной родословной. На самом же деле это был башкир Ногайской дороги Хаджи (Хази) Аккускаров. Но вожаки отказались проливать кровь за новоявленного "султана". После чего, ссылаясь на якобы ожидавшееся подкрепление с Закамья, предводители восстания всячески начали оттягивать время штурма Казани.

Тем временем в Казань прибыл Петр Хованский с пятью полками, которыми командовали боевые полковники Г. Титов, Н. Анненков, Г. Янковский, В. Мещеринов, С. Норов. Да и окруженные под Мамадышем и Баландышем полки Шереметева, Дмитриева-Мамонова, Есипова сумели вырваться из кольца и начали беспощадно грабить татарские селения, вымещая на них накопившуюся злобу. Полки Сергеева и Сидора Аристова также вышли из окружения и начали жечь и грабить близлежащие деревни вокруг Мензелинска, Сарапула, Каракулино.

Одновременно с этим Кудрявцев вел лихорадочный набор казанских дворян, купцов, ремесленников в карательные ополчения. Предатели-мурзы Ишмурза Яушев, Бикчуря Ишеев, Юсуф Маметов не заставили долго себя уговаривать. А против "сомневающихся" Кудрявцев применил коварный шаг. Ради "надежной охраны от возможного вторжения мятежников в Казань" он согнал из слобод в тюремные дворы жен и детей татарских купцов и ремесленников. "Забота" Кудрявцева о своих подданных принесла ощутимые плоды. Было создано несколько вооруженных ополчений. Такие же отряды "вольницы" набирали в русских селениях Прокофий Каргашев, Осип Бертенев, Д. Невежин и другие.

Наступил кульминационный период в ходе восстания. Но выгодный для повстанцев момент был уже упущен. Царское правительство успело сосредоточить против мятежников около 15 регулярных и вооруженных пушками полков. Часть из них уже находилась на территории, где шло восстание, и вела карательные операции. Полки же, возглавляемые Хованским, вышли 22 февраля из Казани и двинулись по направлению штабов повстанцев. Отряды татарских феодалов и русской "вольницы" также вступили "в дело". Часть карательного ополчения направила свой удар на лагерь восставших в районе села Большие Салтаны (ныне в Рыбно-Слободском районе Татарстана) и разгромила его. Были убиты десятки повстанцев, многие попали в плен. "Вольница" кинулась жечь и разорять деревни. Десятки татарских вдов и сирот стали "добычей" русских головорезов, распространилась широкая торговля пленными. Так, крестьянина Больших Салтаней Ишмета Рыскина и его брата служилый татарин И. Шигаев купил у русского солдата за 10 рублей. Сестру же Ишмета - Зулейху купил казанский слободский татарин Юсуф. Тот же Юсуф "приобрел" еще одну татарку - Бахти Урманяеву. Братья Маметовы стали хозяевами трех татарок (И. Акманов). Такая участь пугала всех повстанцев. Поэтому отряды мятежников отступили от Больших Салтаней сначала в Рыбную Слободу, затем на левый берег Камы.

Надо отметить, что командующий карательными войсками бригадир Хованский с самого начала, путем обещаний и уговоров, старался мирно погасить восстание. Он уже в начале февраля направил к руководителям в село Балтасы пятерых послов из татарской слободы Казани, во всех злодеяниях обвинил местную администрацию, обещал снять все дополнительные налоги. Также он потребовал от Сергеева, Сидора Аристова, Дмитриева-Мамонова, Шереметева, Есиповых прекратить "жечь и рубить деревни". Предпринятые Хованским мирные шаги воздействовали на восставших, начались переговоры. Часть руководителей мятежа предложила Хованскому лично приехать в Савруш и вести переговоры. Тот согласился. Но, узнав о том, что Хованский собирается приехать в Савруш с войском, вожаки отказались от встречи. Шло время, и это было не в пользу восставших. К концу февраля Хованский сосредоточил вокруг Казани около 10 тысяч карателей. Кроме них в действующей в крае бригаде Дмитриева-Мамонова насчитывалось еще две с половиной тысячи солдат (И. Акманов).

Естественно, такая громадная армия карателей даже своей численностью наводила ужас на восставших. Политика обещаний и уговоров со стороны Хованского тоже не могла не возыметь действий. И, вдобавок ко всему, наступила ранняя весна. Повстанцы забеспокоились, что на Каме начнется ледоход, и будет отрезан путь для отступления. Поэтому руководители отрядов, при приближении карательных полков, даже не вступая в бой, поспешили отступить. Ставка восстания из сел Балтасы и Савруш была переведена на Закамье, в деревню Варзи. Волости, оставшиеся без защиты мятежников, начали присягать карателям на верность правительству. Так, почти без боев, Хованский со своими полками двигался вперед и 17 марта 1708 года прибыл в Елабугу.

Казанские власти во главе с Кудрявцевым, обеспокоенные возможным наказанием со стороны царя за свои злодеяния, начали посылать коварные донесения в Москву с осуждением действий Хованского. Они обвинили его в мягкотелости, бездействии.

Повстанцы к тому времени перешли Каму. Хованский, стоявший в Елабуге, возобновил переговоры с руководителями. Часть повстанцев принесла повинную. 26 мая полки Хованского начали переправляться через Каму и вступили в Челны. Тогда мятежники решили принести повинную, и несколько руководителей прибыли к Хованскому для переговоров. Они потребовали от Хованского наказания Сидора Аристова и Александра Сергеева, снятия с поста Уфимского воеводу Льва Аристова. Хованский на пост воеводы Уфы назначил стольника Федора Есипова. Повстанцы дали обещание платить ясак по-прежнему, но без выдуманных прибыльщиками дополнительных налогов. В конце июня принесла повинную и группа старшин во главе с Кусюмом. Не преклонил голову перед Хованским лишь Алдар-

тархан, и со своим отрядом он ушел на Ногайскую дорогу. Уже казалось, что противоборствующие стороны разойдутся мирно и не будет беды и кровопролития на казанской земле.

К сожалению, коварные доносы Кудрявцева на Хованского не остались без внимания царя. 16 мая 1708 года он издал Указ об образовании на территории бывшего ханства Казанской губернии, чуть позже первым правителем назначил генерала Петра Апраксина. Были изданы еще два Указа, которыми царь нанес "пощечину" лично Хованскому. Первым он удостоил командующего грамотой - это за подавление восстания. Вторым Указом отправил его против восставших казаков на Дон - это "за мягкотелость", так сказать.

После отъезда Хованского всем Казанским краем снова начали править Кудрявцев, его подручные Сергеев и Аристовы. Во всех селениях опять полились кровь и слезы. Первым делом Кудрявцев заменил посаженного Хованским Уфимским воеводой Есипова полковником Г. Титовым. По призыву того же Кудрявцева в конце июня 1708 года вторгся в край 10-тысячный отряд калмыков. Калмыки стали беспощадно грабить селения возле рек Сюнь и Ик, угоняли скот, забирали в плен женщин и детей. Такую же жестокость и коварство против мусульманских селений проявили и русские карательные полки. Приказ самого Петра I гласил: расправляться с ними, как с неприятелем.

12 мая 1708 года русским царем был издан еще один Указ. По нему он требовал отправить от татар - пять тысяч, от башкир тысячу мужчин на строительство Санкт-Петербурха. Башкирские старшины отказались исполнять сей Указ, а в Казанской же провинции начался насильственный набор. Собрав мужчин в пятисотные команды, их стали отправлять под конвоем на запад.

Еще весной 1708 года, когда повстанческие отряды отступали за Каму, многие жители Казанского края, боясь мести царских карателей, ушли вместе с мятежниками. Тысячи татар целыми деревнями снимались со своих мест и сбегали в башкирские степи. Когда же посланные Кудрявцевым солдаты стали забирать мужчин в строительные команды, бегство татар туда стало массовым.

Конец 1708 года для Казанской, Мензелинской, Уфимской провинций был относительно спокойным. Возможно, одной из причин спада освободительного движения стало сообщение о разгроме Петром I 28 сентября 16-тысячного отряда шведского генерала Левенгаупта при деревне Лесная. А каждая очередная битва Петра с Карлом XII требовала новых затрат. Прибывший в Казань в январе 1709 года генерал Петр Апраксин свою деятельность начал с выполнения указаний царя об обязательном сборе налогов. Ради пополнения царской казны местные чиновники пошли на беспощадный грабеж населения. В 1709 году с крестьян Казанской губернии было собрано 53 тысячи 575 рублей налогов ("История Татарии в документах и материалах"). А каковы, спросите вы, были потери? В ходе восстания Алдара-Кусюма только в Казанской провинции было убито около 11 тысяч, в других уездах - более 2500 крестьян, ограблено и сожжено свыше 300 деревень ("Очерки по истории Башкирской АССР"; "Материалы по истории Башкирской АССР", Н. Молчанов). "В течение восстания из Казанского уезда в башкирские степи сбежало более 10 тысяч яшашников, только нынешней зимой ушло еще 4000 крестьян", - писал П. Апраксин своему брату-фельдмаршалу 3 июня 1712 года ("Материалы по истории Баш. АССР"). В 1710 году число жителей (мужчин) сократилось на 27540 человек, из них 10476 находились в бегах (С. Алишев).

Правда, убежавших из-под Казани татар в башкирских степях отнюдь не ожидали богатство и почести. Чтобы обрисовать жизнь татар-переселенцев, приведем лишь один пример из книги "Очерки по истории Башкирской АССР". Вот, скажем, судьба переселенца Наурузгали Тенеева. Из-за невозможности прокормить свою семью он вынужден был стать батраком Ибрая Бурлакова. Ибрай выделил ему семена и

небольшой участок для сева зерновых - с условием, что Наурузгали в течение трех лет будет засеивать по полторы десятины ржи и овса на поле хозяина, жать урожай и возить его на гумно, также каждый год он должен заготовить хозяину по сто копен сена и по пяти сажень дров. Да, это было тяжелой ношей для переселенцев, но их поток на башкирские земли не прекращался. Потому что здесь их ожидала относительная свобода от колонизации.

Переселение татарских, а вслед за ними и чувашских, марийских, удмуртских крестьян на башкирские степи сильно обеспокоило царских правителей. Стремясь вернуть сбежавших крестьян на свои прежние места жительства в Казанской провинции, и желая привести к присяге еще непокорившихся старшин, весной 1709 года в Мензелинский и Уфимский уезды, на Ногайскую дорогу были посланы вооруженные правительственные отряды. Но Алдар-тархан, имевший под своей рукой 4-тысячное войско, по-прежнему отказывался подчиняться царским наместникам, требуя от Апраксина наказания Кудрявцева, Сергеева, Аристовых. Его воины напали на Уктусский и Каменский заводы, разгромили карательный отряд полковника Толбузина. Стычки с правительственными командами продолжались до зимы. В течение всего 1709 года имели место волнения в Зауралье. Там же действовал 3-тысячный отряд повстанцев под командой "хана" -Хаджи-султана. Губернатор Апраксин в 1709 году был вынужден писать рапорт о нескончаемых народных волнениях на территории всей губернии - он вновь и вновь просил дополнительные карательные войска.

Весной 1710 года повстанцы возобновили свою борьбу, правда, их выступления уже были менее активными и шли они в основном возле Уральских гор или за ними. Для подавления восстания правительство вновь привлекло калмыцких всадников. Хан Аюка отправил против мятежников 5 тысяч калмык. Под напором объединенных карательных сил восставшие вынуждены были прекратить борьбу.

Тут надо отметить, что "верноподданный раб царя" Петр Апраксин не зря позвал на помощь "инородца" - калмыцкого хана Аюку. Бесконечные передвижения войск требовали дополнительных расходов, для их "добычи" Петру I снова пришлось бы увеличить налоги с крестьян. А он и так уже отнимал у своих подданных последнее. Да, расходы на военные нужды неимоверно выросли. Для содержания армии в 1710 году царское правительство израсходовало 1 миллион 252 тысячи рублей, для флота - 444 тысячи, на "подарки" различным послам и посредникам - еще 148 тысяч. Строительство "парадиза" (рая) на Неве - новой столицы - требовало также сотен тысяч. Все эти расходы ложились тяжким бременем на плечи российских крестьян, а мужик и так уже был, что называется, гол - как сокол. Потому-то "верноподданному" Апраксину выгоднее было пользоваться чужой помощью...

Летом 1711 года на помощь восставшим пришли каракалпаки и освободительная борьба вновь возобновилась. На этот раз повстанцы предприняли поход на Уфу, но он закончился неудачей. Тем не менее, имея в своем распоряжении около 7 тысяч солдат и драгун, губернатор Апраксин продолжал посылать донесения в правительство и просил новые карательные полки.

Однако помочь Апраксину Петр I никак не мог. Потому что турки, заключившие 10-летнее перемирие в 1700 году, 9 июля 1711 года напали на многотысячное русское войско, окружили его. Там же находился и Петр I со своей женой Екатериной и приближенными. Попытка русских вырваться из осады не удалась. Среди русских солдат, оставленных без питьевой воды и пищи, началась эпидемия и в считанные дни умерло более 23 тысяч солдат. В ходе боев погибло еще 5 тысяч русских. Казалось, что сочтены дни и самого Петра. Он настолько пришел в упадок, что уже снова (!) согласен был уступить все завоеванные, начиная с 1696 года, земли туркам и шведам, лишь бы не трогали его "парадиз". Но посланный заложником вице-канцлер П. Шафиров сумел склонить турецкого Балтайча-пашу на меньший "разор". Он обещал Балтайче следующее: уступить Азов туркам, плюс в подарок лично ему - 300 миллионов золотых ефимков. Балтайча смягчился и увел свои войска (Н. Молчанов).

Апраксин, не дождавшись царской помощи, направил против мятежников свои карательные полки. У восставших уже не было сил продолжать борьбу. Освободительное движение в крае на время прекратилось.

5.УСИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА.

Вошедшее в историю как "Алдар-Кусюмовское" и продлившееся около 7 лет восстание вызвало сильную ярость царского правительства к татаро-башкирскому народу. Желая окончательно покорить народы Казанской губернии и вытравить из них свободолюбивый дух, Петр I приказал подготовить специальную программу, направленную на выполнение этих задач. Русские миссионеры не подвели царя. Уже в 1712-1714 годах представитель дворян Иван Посошков подготовил программу "Отеческое завещание", где требовал буквально физического уничтожения националов в колониях царизма. Посошков призывал насильно обучать русскому языку безграмотных инородцев; крещеных на несколько лет освобождать от налогов; при судебных тяжбах между иноверами всегда решать дело в пользу крещеного; если дети инородцев до 10 лет не научились русскому языку, то отнимать их у родителей; богатых иноверцев, не говорящих на русском языке, лишать богатства; у татарских мурз отнимать крещеных крестьян ("История Татарии в документах и материалах").

Такая программа пришлась по душе царю, и он в 1713и 1715 годах один за другим издал два Указа. В первом он призвал татарских мурз, имеющих крещеных крестьян, принять христианство в течение полугода. Во втором приказал отбирать у некрещеных помещиков крещеных крестьян вместе с полагающимися им лугами и пахотной землей.

В то же время на казанских землях широкий размах получило строительство заводов и фабрик, причем с насильственным привлечением для работы на них местного губернского люда. По изданному 15 мая 1712 года Указу инородцы Казанской губернии обязывались участвовать в заготовках и сплаве леса для корабельного строительства в Петербурге. К тому же на татарских и башкирских мужчин налагалась обязанность защищать восточные границы России со Средней Азией, проходящие по реке Яик. В Казани в 1712 году был заложен помповый завод, в 1714-м - суконная фабрика, в 1718-м - конный завод. Нетрудно догадаться, что строительство заводов и фабрик велось не только в целях экономического и промышленного развития, но и ради насильственного обучения инородцев русскому языку и поглощения их русскими, а мусульманские всадники направлялись на границу с "благим" намерением сократить их количество посредством боевых стычек со среднеазиатскими мусульманами.

Если в ходе Алдар-Кусюмовского восстания строительство металлоплавильных заводов на территории Казанской губернии приостановилось, то сейчас это движение обрело новое дыхание. Для работы на заводах переселялись русские крестьяне и ремесленники из центральных районов России (чем это не насильственная ассимиляция?), за заводами также закреплялись целыми деревнями татарские и башкирские крестьяне. По специальному Указу царя заводовладельцам было дано право целыми деревнями покупать крестьян и закреплять их за заводами. В татарских селениях, где проживало хотя бы несколько крещеных, силами некрещеных крестьян строили церкви и продолжали политику насильственного крещения. На территории всей губернии укреплялись старые и возводились новые крепости, укрупнялись военные гарнизоны. Стремясь избежать активной колонизации, татары бежали все дальше - к Уральским горам да на берега Яика.

Неожиданно, осенью 1717 года, в Казанском уезде и Закамье появилась мощная и страшная для царской администрации сила. На этот раз в Казанскую губернию ворвался отряд повстанцев, объединивший в своих рядах казахских, каракалпакских, татарских, башкирских всадников, прибывших аж из казахских степей. Во главе мятежников стояли ясачный татарин деревни Челны Сеит - батыр и его племянник

Габдрахман Туйкин. Отряд Сеита, в царских документах именуемого "Сеитка-вор", за довольно короткое время захватывал крепость за крепостью, сжигал русские деревни, вешал священников, перейдя Каму, уже приближался к Казани. К повстанцам Сеита присоединились татары близлежащих деревень, а также, изнемогавшие от помещичьего гнета русские крестьяне и ремесленники, хотя в царских документах их называли "пленными".

Поднятое Сеитом восстание продлилось до весны 1718 года. Петр I вынужден был послать против мятежников дополнительные карательные войска под командой Федора Жилина. Под натиском карателей повстанцы отступили вновь в казахские степи. Петр отправил Жилина вместе с солдатами послом к казахскому хану Каипу. Разгневанный царь просил хана Каипа, чтобы тот словил "Сеитку-вора" и вернул также русских "пленных". Солдаты Жилина на казахской земле попали в странный переплет. Сначала их всех разоружил Аблай-султан. И только лично Каип-хан сумел им вернуть оружие. Видимо, отряд Сеита немало насолил и казахскому хану. Поэтому он отправил на поимку Сеита сильный отряд под начальством Худайберди-Багатур-султана. Но предпринятые меры были безуспешными. Сеит расставил по всем дорогам и ущельям своих людей (только ли своих? Не помогали ли ему и казахские бедняки?). Худайберди рыскал повсюду, но словить Сеита не смог. Отряд повстанцев грабил торговые караваны, следующие в Хиву и Бухару. Свободного проезда почти не было. Отряд Сеита грабил и окраинные города России. Его боялись все. До апреля 1722 года упоминается в исторических документах имя Сеита, но после этого нить обрывается...

С 1718 года начинается еще более жестокий этап угнетения татарского народа со стороны царского правительства. По особому Указу Петра I в этом году в Казани была создана верфь по строительству кораблей для будущего Каспийского флота. Для заготовки и доставки леса за Казанским Адмиралтейством было закреплено более 56 тысяч мужчин из Казанской губернии, в том числе 23750 татар (С. Алишев, В. Витебский... Однако есть и другие цифры. Так, Н. Калинин и Г. Губайдуллин пишут, что количество татар, закрепленных за Адмиралтейством, доходило в 1722 году до 65679 человек).

Заготовители леса, прозванные позже "лашманами", были вынуждены целыми месяцами безвыездно работать в лесах, привозить пищу для себя и фураж для лошадей. Вдобавок к этому они же были обязаны платить и ежегодную подушную подать деньгами - с каждого мужчины по 1 рублю 10 копеек. Например, только в 1718 году с народов Казанской губернии было собрано более 120 тысяч рублей (Н. Калинин, "Казань"). Ежегодно на лесозаготовках погибали сотни крестьян. Многие становились калеками на всю жизнь. Крестьяне, недовольные каторжным трудом, стали снова сбегать в башкирские степи, подальше от царских повинностей. Массовому переселению татар в Башкортостан способствовала и введенная Петром I первая ревизия (перепись населения), начатая в 1719 году. Мусульманское население края восприняло этот акт как перепись для насильственного крещения. В этом году из 46841 двора ясачных крестьян в Казанском уезде опустели 19932 дома (Д. Рахимов. Сиһа ничә яшь, туган авылым? "Социалистик Татарстан", 1990, 4 февраля). По историческим документам прослеживается факт, что еще в 1721 году из одной только Арской дороги Казанского уезда сбежало 13203 человека (С. Алишев). А царское правительство, конечно же, приняло всевозможные меры по их возвращению.

С этой целью 1 апреля 1722 года в Мензелинский и Уфимский уезды были посланы специальные полки во главе с полковником графом И. Г. Головкиным. Местные татары, башкиры, мишары, тептяри объединились и начали борьбу за недопущение царских отрядов в свои волости, а также за освобождение татар, попавших в руки карателей. Может быть, эти годы стоит рассматривать как кульминационный период в вековой дружбе двух родственных - татарского и башкирского - народов. Башкиры тогда встали стеной против высылки татар. Сенат выпустил специальный Указ для Головкина, чтобы он высылал особенно тех татар, кто жил в дружбе с башкирами. Башкиры же отказались отдавать людей, владеющих грамотой, являющихся муллами и абызами, имеющих пекарни, мельницы, кожевенные мастерские, мануфактуру, тех, кто взял денег в долг у башкир. Когда же царские офицеры примирились с их

условием, то башкиры стали раздавать "долги" татарам. Башкирские старшины не давали коней и подводы для вывоза беглых. Если же каратели увозили татар насильственно, то башкиры по ночам организовывали нападения на их обозы, отбивали пленных и помогали им бежать к калмыкам, каракалпакам, а также в казахскую степь.

Устроенная самодержавием массовая облава не удалась. Головкин, пройдя башкирские волости вдоль и поперек, добился за год возвращения на прежнее местожительство всего лишь 4965 татарский семей ("Материалы по истории Баш. АССР"). Но половина из них, ссылаясь на то, что их земельные наделы уже разделены между односельчанами, а дома развалены, вновь ушла в Закамье. Так, в 1725 году лишь из одной Арской дороги Казанского уезда "исчезли" 3900 мужчин (Г. Губайдуллин). Татары же, обосновавшиеся в Башкортостане, чтобы избежать новой высылки, во время ревизий записывались "башкирами".

Назначенный губернатором Казанского края в 1730 году Артемий Волынский в своем донесении к Сенату так охарактеризовал миграционный процесс татар: "...через 20 прошедших лет не было прямых башкирцев больше 35000 или крайней мере 40000, а ныне з беглецами стало больше 100000, а имянно: казанские, симбирские, темниковские и протчих таможных уездов яшашные татары в башкиры перешли ("История Татарии в документах и материалах").

Правда, Петр I не знает и не будет знать этих цифр. Он пока в Санкт-Петербурге празднует победу над шведами, в пьяном виде танцует на столах. Россия, наконец-то, 30 августа 1721 года добилась заключения Ништадтского мира со Швецией. Сенат объявил Россию империей, а Петра - ее первым императором. Однако кроме прусского короля Фридриха-Вильгельма никто из самодержцев в Европе не торопился признать его императором. Оскорбленный Петр, чтобы доказать, что Россия является мощной державой как в экономическом, так и в военном отношении, способной вести войну в одиночку, и, конечно, с целью захвата новых земель, приказал армии и флоту готовиться к "Персидскому походу" - на полное завоевание Каспийского побережья и Кавказа. А о том, что российский народ в битвах только лишь против Турции потерял свыше 100 тысяч солдат, Петр даже не упомянул (Н. Молчанов, Н. Павленко).

Радужным состоянием русского царя после победы в Северной войне воспользовались и татаро-башкирские старшины. Специальное посольство из 55 человек (среди них и отец будущего пугачевского атамана Кинзи Арсланова - Арслан Аккулов) прибыло в 1722 году в столицу. Они подали Петру челобитную с просьбой наказать генерала Кудрявцева, полковника Сергеева и братьев Аристовых за содеянные ими злодеяния против поволжских народов в 1705-1710 годах. Царь назначил следствие. Скоро Кудрявцев был освобожден с поста вице-губернатора Казани, а Сергеев будто бы даже повешен.

Не мудрено, от этого царя можно было ожидать любую расправу. Ведь в 1718 году у него хватило жестокости казнить своего собственного сына Алексея. В 1722 году он приказал отрубить голову Сибирскому губернатору Гагарину за взяточничество и казнокрадство. Своего любимого раньше вице-канцлера Шафирова за такой же проступок он положил на плаху и смилоствился лишь в последний момент (Н. Молчанов, И. Акманов, Н. Павленко).

В мае 1722 года русские войска выступили в Персидский поход, и Петр со своей женой прибыл в Казань. На встрече царя участвовали лишь выбранные из слобод "достойные" люди. Петр остановился в доме самого богатого купца Ивана Михляева (ныне улица М. Джалиля, 19). В Казани царь отпраздновал свое 50-летие, участвовал в закладке Петропавловского собора, ознакомился с положением дел в Адмиралтействе, суконных фабриках, в других предприятиях. Спустя несколько дней, по пути в

Каспийское море, он остановился в Булгарах и осмотрел развалины бывшей столицы древнего государства. Он поднялся на Малый Минарет, даже расписался на камне.

Во время пребывания Петра в Булгарах имелись еще более 70 полуразрушенных или уцелевших (после уничтожения города Федором Пестрым в 1431 году) зданий (во время "визита" Екатерины Второй в 1767 году их количество сократилось до 44, а сегодня число "уцелевших" зданий всего 6). Тогда еще был "целым" и Большой Минарет высотой в 23-25 метров. Однако он уже накренился, и Петр не осмелился подняться на него. Тем не менее, он приказал "одеть" Минарет в железный обруч, чтобы спасти его от падения. Здесь же Петр ознакомился с надписями на надмогильных камнях (их содержание переводил царю Кадырмухамет Сунчалиев). Царь приказал Казанской администрации сохранить эти камни, а содержания надписей переписать. (Часть указаний царя действительно была исполнена. К. Сунчалиев и Юсуф Ишбулатов переписали содержание надписей более 50 надмогильных камней, на Большой Минарет был одет железный обруч. Но, к сожалению, в 1841 году Минарет все же упал. А надгробные камни, которые царь Петр приказал сохранить, русские вандалы-миссионеры заложили в фундамент построенного на татарских могилах Успенского собора...).

Петр I взял с собой в Персидский поход 106-тысячное войско, 50 тысяч из которых составляли татарские всадники, солдаты и гребцы ("История Казани"; Р. Фатхутдинов; А. Каримуллин). Однако русский царь не смог добиться в этом походе славы и больших успехов. Во время каспийского шторма русский флот был уничтожен почти полностью. Из-за жары и отсутствия питьевой воды, пищи среди солдат распространилась болезнь. Петр сумел захватить лишь Дербентскую крепость, да побережья Терека. Затем, оставив командование генералу А. Матюшкину, он уехал назад, в Петербург. Матюшкин захватил город Решт и Баку (Н. Молчанов, К. Валишевский). В 1723 году по Указу Петра из Казанского уезда были насильственно отправлены 5 тысяч татар для строительства крепости на реке Кура. Из них 3792 скончались уже по дороге от эпидемии, 110 человек сбежали и лишь 40 вернулись домой полукалеками ("История Казани"; С. Алишев).

Ненасытный Петр, не знавший предела в завоеваниях новых колоний для России, уже строил планы захвата на востоке - всей Азии, на юге - Кавказа, Крыма, Турции, Ирана, Индии, на западе - Польши, Швеции, Норвегии, Италии, Франции. Этот заболевший манией величия царь мечтал со временем превратить весь мир в Российскую колонию, а столицу государства перенести в Стамбул. Чтобы такую же захватническую политику продолжили его варисы, он написал тайное "Завещание" своим потомкам ("Казан утлары", 1992, № 1). Ради достижения этих целей он довел количество солдат в русской армии до 210 тысяч человек, на флоте - до 40 тысяч, в казачьих войсках до 100 тысяч (Н. Молчанов). Но свое "великое" предназначение он не смог осуществить. 28 января 1725 года Петр I скончался.

Тем не менее, после кончины Петра, его преемники приложили немало сил в исполнении его "Завещания". Во время правления Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны завоевательная политика России была направлена в первую очередь на восток. Однако, не осуществив окончательную колонизацию земель, раскинувшихся от Волги до Урала, царскому правительству нечего было и мечтать о захвате казахских улусов, Хивинского и Бухарского ханств, т.е. всей Средней Азии. Вот почему Сенат дал указание всем чиновникам подготовить специальную программу колонизации закамских земель. Первым в 1724 году такой проект подготовил управитель казенных заводов Казанской губернии и Сибири Василий Татищев. Представленный сегодня в учебниках и энциклопедиях как географ и историк, а в свою бытность являвшийся беспощадным колонизатором и карателем, Татищев призывал ужесточить политику насильственного крещения мусульман, более активно применять к ним военную силу. Но его проект не был утвержден.

В 1730 году такой же проект положил на стол императрицы казанский губернатор Артемий Волинский,

который предложил увеличить численность войск в гарнизонах Закамских крепостей; наполовину уменьшить количество мусульман Поволжья и Приуралья путем отправки их на войны с казахами, калмыками, каракалпаками; для выяснения точного расположения сел и числа жителей направить в башкирские степи умных дворян под видом покупки лошадей; обложить жителей башкирских степей ежегодным налогом в 50 тысяч рублей или потребовать от них до 5 тысяч коней; от каждой волости брать аманаты (заложников) и держать их в Казани; мусульманам запретить иметь у себя или изготавливать ружья под страхом смертной казни.

Хотя составленный Волынским проект пришелся по нраву царским правителям, его все же тоже не утвердили. Тогда за составление угодного правительству проекта колонизации принялись крещеный татарский мурза Алексей Тевкелев (Кутлумухамет Мамашев) и обер-секретарь Сената Иван Кирилов, который в русской историографии представлен как выдающийся географ, но на деле являлся кровавым палачом. Предатель своего народа Тевкелев уже долго карабкался по лестнице власти. Свою службу он начал переводчиком иностранной коллегии, был замечен Петром в 1716 году в составе русского посольства направлен в Персию. В 1731 году царица Анна Иоанновна направила его, как русского посла, в Среднюю Азию, и Тевкелев добился там получения клятвы на верность России у казахского хана Абулхаира. В 1734 году Тевкелев и Кирилов в основном перечислили предложения, представленные Татищевым и Волынским, но добавили "сугубо свои" - что на реке Орь, фактически являющейся границей между казахскими и башкирскими кочевьями, основать новую мощную крепость; все побережье Яика покрыть сетью военных крепостей с мощными гарнизонами; переманить мусульманских старшин посредством мелких подарков на сторону правительства и таким образом пробудить среди них взаимную вражду; ускорить строительство заводов, переселить туда русские деревни и т.п. ("История Татарии в документах и материалах"; А. Чулошников).

Выбравшему своей очередной жертвой в захватнической политике Среднюю Азию, царскому правительству особенно импонировало предложение о строительстве нового военного форпоста - будущего Оренбурга - на границе с Азией. Поэтому 1 мая 1734 года данный проект утвердили и Сенат, и царица. Однако составившим проект чиновникам награды и почести были розданы соответственно происхождению и национальности. Кирилов был возведен в чин генерал-майора и получил в подарок 3 тысячи рублей. Тевкелеву же пришлось довольствоваться званием полковника и одной тысячей рублями. Одновременно было отдано распоряжение: отрядить специальную команду в Закамье для проведения в жизнь проекта Тевкелева-Кирилова. Начальником данного колонизаторского похода, вошедшего в историю под "оригинальным", даже "цивилизованным" названием "Оренбургской экспедиции", назначили, конечно, Кирилова, а его помощником определили Тевкелева ("История Татарии..."; И. Акманов, Н. Устюгов, А. Чулошников).

6.АКАЙ-КИЛЬМЯКОВСКИЙ МЯТЕЖ.

Экспедиция из 130 тысяч человек, в состав которой были определены разного рода специалисты (среди них будущий историк, а пока исполняющий обязанности бухгалтера Петр Рычков), выехала из Москвы в августе 1734 года и в начале октября прибыла в Казань, где была пополнена Пензенским пехотным полком из 1223 солдат, и, через Мензелинск, 10 ноября добралась до Уфы. Во время своего 7-месячного пребывания в Уфе Кирилов, приглашая поочередно к себе волостных старшин, проводил хитрую, коварную политику. Он принимал жалобы старшин на чинящих гнет воевод и чиновников, клятвенно обещая при этом принимать решительные меры, наказывал мелкую чиновничью сошку, посредством подарков привлекал на свою сторону более богатых и влиятельных. Зимние месяцы использовал и для того, чтобы пополнить свое войско отрядами служилых крестьян Казанского, Мензелинского, Уфимского уездов, яицких казаков. Мензелинские служилые отправили в Уфу 2 роты драгун. Весной 1735 года отряд Кирилова пополнился 1400 воинами и 30 пушками. Позднее со своими отрядами к нему присоединились обманутые посулами и подарками татарские, башкирские старшины. Таким образом, у Кирилова набралось до 4000 воинов ("Очерки по ист. Баш. АССР").

Как бы ни старались царские власти и руководители экспедиции скрыть свои истинные цели, они стали известны старшинам почти всех волостей. Башкирский старшина Токчура Алмяков, служивший толмачом в Коллегии иностранных дел в Петербурге, заранее призвал своих соотечественников к бдительности таким вот "зашифрованным" письмом: "Во всей Башкирии чистую пшеницу, отделя от куколя и плев, особо хранить, а солому сжечь; и чтобы 4 лошади (4 дороги Уфимской провинции - В.И.) во всякой исправности были" ("Очерки...").

Народ прекрасно понимал: если Кирилов, пройдя по Ногайской дороге (сегодня ее можно представить как трассу Уфа-Оренбург), построит военную крепость на берегу реки Орь, то новый город принесет краю лишь новые несчастья, усилится гнет, а близ Оренбурга расплодятся новые военные гарнизоны, русские слободы из переселенцев. Как бы ни пытался Кирилов спрятать свои намерения, народ следил за каждым его шагом. Уже в феврале 1735 года Кирилов отправил на верховье Яика 2 роты солдат, которые начали там постройку военной крепости (будущий Верхояицк) и пристани. Весть об этом быстро распространилась по всем уголкам. В мае волости, расположенные на Ногайской и Казанской дорогах, выбрали своих доверенных и отправили их в устье реки Чесноковки, что в 12 верстах от Уфы, на традиционное место съезда. Более 500 человек, собравшихся на лугу, потребовали, чтобы генерал Кирилов явился самолично и зачитал им Указ императрицы о целях похода царского отряда. Требование мусульманского народа Кирилов пропустил мимо ушей. Тогда курултай постановил не допустить экспедиционный отряд на Ногайскую дорогу, встретить его оружием, а присоединившихся к войску Кирилова татарских, башкирских, марийских, чувашских старшин наказать. Тут же были избраны войсковые командиры.

Руководителями нового восстания были назначены представитель Юрматынской волости Ногайской дороги (по другим источникам - из Байларовской волости Казанской дороги) Кильмяк-абыз (учитель) Нурушев и старшина Тамьянской волости Казанской дороги Акай Кусюмов. Кильмяк участвовал еще в Алдар-Кусюмовском восстании, в составе отряда Мурат-султана в 1707 году ездил в Крым и Турцию, в 1735 году Кильмяку было 50-55 лет, и он снискал уважение народа своей ученостью и правдолюбием. Акай же являлся продолжателем династии борцов за свободу. Его дед Тюлекей-батыр был одним из видных вожаков народного восстания 1682 года (в 1684 году был повешен царскими палачами на виселице). Сын Тюлекея Кусюм стал предводителем восстания 1705-1710 годов. Хотя Кусюм-батыр и не был наказан палачами, но, согласно сохранившемуся до наших дней народному преданию, он был зарезан подосланным царскими чиновниками убийцей. Теперь, в 1735 году, освободительную борьбу, начатую дедом и отцом, продолжил Акай. Он был средним сыном Кусюма, имел уже взрослых сыновей, жил в 50-60 верстах от Мензелинска. Когда экспедиция Кирилова следовала из Казани в Уфу, русские солдаты угнали лошадей из табуна Акая. Акай со своими молодцами бросился в погоню, около деревни Ураз, что у реки Ирна, настиг и перебил воров. Сумел спастись тогда лишь один солдат ("История Татарии..."). Согласно легендам, Акай отличался бесстрашием, был отчаянным наездником, не знавшим себе равных в сабельном бою... *Обидно, до слез обидно, что татарский народ не то что не прославил, а даже не знает имен представителей этой славной династии...*

Вряд ли будет правильным считать причиной нового восстания только лишь экспедицию Кириллова. На бунт, в ходе которого пролилась кровь тысяч людей, толкнул мусульман русский гнет, давивший десятилетиями.

В последние годы своего царствования Петр I дважды издавал Указы, запрещающие рубить корабельный лес в Уфимской провинции. Преемники Петра продолжали политику захвата земель, принадлежавших мусульманам, и они никогда не ослабляли, а наоборот, только усиливали насильственное крещение инородцев. Так, в 1726-1734 годах на берегах рек Уфа, Белая, Сылва и у подножий Уральских гор были построены Верхне-Шайтанский, Нижне-Шайтанский, Исетский, Шилвинский, Уткинский, Иргинский,

Полевский, Билембаевский, Ревдинский, Воскресенский, Сылвинский заводы ("Материалы по истории Баш. АССР"). Промышленники и переселенные к заводам русские деревни отняли у мусульман тысячи десятин леса, озера, посевные площади.

Насильственное крещение народов Поволжья и Приуралья началось еще в эпоху Ивана Кровавого и продолжалось в течение веков, но оно так и не дало желаемых для царизма результатов. Если до 1719 года число крещеных татар в Казанской губернии было 13322, то за последующие 12 лет к ним прибавились всего 2995 человек (Т. Давлетшин. Казан ханлыгын басып алгач. "Социалистик Татарстан", 1990, 14 октября). С целью дать новое дыхание миссионерской деятельности в 1731 году при Свяжском монастыре была создана новая комиссия, руководившая крещением народов Казанской и Нижегородской губерний. По специальному Указу Анны Иоанновны ново-крещенные освобождались на 3 года от уплаты налогов, вместо них налоги должны были платить их некрестившиеся односельчане; крестившимся крестьянам выделялись лучшие посевные земли; если уличенный в воровстве или в совершении другого преступления инородец принимал христианскую веру, его прощали. Ясно, что подобные унижения и гнет вызывали противодействие со стороны татарского и башкирского народов, а экспедиция Кирилова, явившаяся на их землю для новых грабежей и постройки опорных крепостей, стала последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Кирилов со своим отрядом вышел из Уфы 15 июня 1735 года и двинулся по Ногайской дороге. И сразу же он стал подвергаться нападениям повстанческого войска, возглавляемого Кильмяк-абызом. Отряд Кильмяка состоял из трех тысяч татаро-башкирских всадников, разделенных на сотни. В каждой сотне были свой есаул и свое знамя. Повстанцы захватывали в плен продавшихся властям тарханов и старшин, гонцов Кирилова, посылаемых им в Уфу. Тем временем были созданы отряды и на Казанской дороге. Акаю Кусюмову, Умеру Тохтарову, Тевекею удалось собрать около 10 тысяч бойцов из Мензелинского и Уфимского уездов (И. Акманов).

Вскоре в Уфу прибыл Вологодский драгунский полк подполковника Чирикова, и 24 июня этот отряд в 700 солдат двинулся вслед за Кириловым. Кильмяк-абыз, взяв часть своих всадников, встретил отряд Чирикова в 150-ти верстах от Уфы, возле горы Зирган. 1 июля, воспользовавшись условиями гористой и лесистой местности, повстанцы внезапно напали на драгун. Чириков и десятки солдат были зарублены. Отряд Кильмяка в течение 6 суток продержал в осаде царский полк, послал гонца за помощью к Акаю. Однако Акай вовремя не подоспел. Тем временем Кирилов отправил сильную команду на выручку драгун. Правительственные отряды соединились. А 9 июля пришел Акай со своим отрядом и, соединившись с Кильмяком, они снова напали на правительственное войско. Но огонь пушек заставил их отступить. После этого повстанцы кинулись грабить и жечь усадьбы старшин, присоединившихся к Кирилову. Феодалы бежали в Уфу, часть из них - в Шешминскую крепость (на территории нынешнего Черемшанского района) под защиту В. Татищева.

Отправляясь в экспедицию, Кирилов заранее предвидел, что она вызовет ненависть коренного населения, и еще весной 1735 года начал строить на Ногайской дороге Табынскую крепость. В середине июля повстанцы напали на Табынск, часть его сожгли, но после их отступления строительство крепости возобновилось.

Собравшись в середине июля у реки Белая на совет, предводители решили разделиться на 2 группы. Кильмяковский отряд продолжал преследовать Кирилова, разорять имения предателей. Акай же вновь вернулся в Мензелинский уезд и начал штурмовать, одну за другой, крепости Мензелинск, Заинск, Новошешминск, Кичуевск. Тогда же поднялись на восстание ясачные татары Зюрейской и Арской дорог Казанского уезда. Повстанцы закрыли путь правительственным войскам, направленным из Казани в Мензелинск, или из Мензелинска в Уфу, или из Мензелинска и Уфы к отряду Кирилова. Так с

Кириловым была прервана всякая связь, а мятежники продолжали разорять имения продажных старшин. В начале августа были разорены дворцовые села Челны, Пьяный Бор, Калинов Починок, Бетьки, Тихие Горы. 1 сентября мятежники вновь приступили к штурму Мензелинска, продержали его в осаде в течение 6 суток. Осаждавших было 4000. Татары Казанского уезда звали Акаю перейти на правобережье Камы и наступать на Казань. Пройдя Байларовскую и Енейскую волости, Акай переправился через Каму. В 4-х верстах от Елабуги, в пойме реки Кама, произошло ожесточенное сражение. Ни одной из сторон не удалось одержать победу, повстанцы снова переправились на левый берег Камы. В начале сентября Акай наладил связь с Кильмяком. Объединившись, они задумали, прежде всего, уничтожить уфимский гарнизон - силу, которая находилась за их спиной. Оба направились к Уфе, 20 сентября напали на мишарский отряд, шедший на помощь Кирилову. С августа под Уфой и так шли горячие столкновения. В повстанческие отряды влились татары деревень Кадряево, Дюсметево, чуваша из села Улу Арем. Они тоже разорили имения продажных старшин.

Кирилов в то время тоже не дремал. Он давно послал в ряды повстанцев своих лазутчиков и через них заранее узнавал о намерениях Акаю и Кильмяка. Когда предводители решили наступать на Уфу, Кирилов спешно вышел с отрядом в 1700 человек на помощь городу. Повстанцы же, в свою очередь, тоже знали о его передвижениях. Когда Кирилов дошел до реки Ашкадар, Акай и Кильмяк 2 октября напали на него. Сражение продолжалось 4 суток. Только с помощью пушек Кирилову удалось оттеснить татаро-башкирских всадников. Тот факт, что в отряде Кирилова воевало несколько десятков старшин-изменников, вновь возбудил у повстанцев желание мести. Они напали на деревни этих старшин, разорили и сожгли многие имения. Весть о сражениях в Закамье достигла 17 июля Кабинета министров в Петербурге и повергла царских сановников в смятение. В то время на юге Россия вела кровопролитные бои с Турцией и "сложности" в Закамье были совсем некстати. Тем не менее, Кабинет в августе провел 2 совещания, где рассматривались вопросы, касающиеся сугубо "Оренбургской экспедиции". Если в 1728 году Уфимская провинция была выделена как особая административная единица, то сейчас ее вновь присоединили к Казанской губернии. Для приведения местного населения в покорность было решено в спешном порядке снарядить 3 регулярных полка, 500 яицких казаков, 3 тысячи калмыцких всадников. Казанского губернатора Мусина-Пушкина сместили с должности. Командующим карательными войсками всего Поволжья и Приуралья был назначен генерал-лейтенант А. Румянцев, являвшийся до этого астраханским губернатором. Ему предоставили неограниченные права во вверенной территории.

19 сентября Румянцев прибыл в Мензелинск, выполнявший как бы роль карательного штаба в деле угнетения мусульман. Он послал гонцов со специальным универсалом, где давал обещания, что накажет тех царских чиновников, кто притеснял местное население. Там же он призывал татар, ушедших в башкирские степи, вернуться на прежние места жительства, обещал им прощение. Однако с повинной к генералу явились лишь 8 старшин. Румянцев их умышленно не арестовал и не наказал. Он задумал тем самым вызвать доверие у народа, заманить главных руководителей восстания и только после их захвата приступить к карательным операциям.

Приход нового правителя в тот край, где Кирилов в течение года был единоличным военным хозяином, крепко задел генеральское самолюбие последнего. У него имелись свои далеко идущие планы. Ведь 15 августа 1735 года он начал строить крепость на реке Орь. Чтобы не вызвать немилость царского двора, он не сообщал и о восстании. После закладки Оренбурга он, разумеется, ожидал повышения в воинском чине и щедрых подарков. С приездом же Румянцева рухнули все его надежды. Чтобы смягчить свою вину, он начал посылать рапорты царскому двору, где обвинял мусульман в дикости и варварстве, призывал предать смертной казни всех участников восстания, их жен и детей раздать русским солдатам, послать мусульман на охрану восточной границы России, с тем, чтобы приостановить рост населения. "Обиженный" Кирилов не успокоился и начал вымещать свой гнев на безвинном народе. После стычки на берегу Ашкадара он устремился в близлежащие деревни, начал жечь и грабить их, истреблял все население, не щадя ни детей, ни стариков, ни женщин. Только после получения приказа Румянцева прекратить варварство Кирилов несколько угомонился, однако от каждого участника восстания

потребовал по лошади в качестве штрафа. Для устрашения населения только лишь за один день, 7 сентября, Кирилов своей властью посадил 1 повстанца на кол, второго четвертовал, 5-х повесил.

В то же время на казанских землях широкий размах получило строительство заводов и фабрик, причем с насильственным привлечением для работы на них местного губернского люда. По изданному 15 мая 1712 года Указу инородцы Казанской губернии обязывались участвовать в заготовках и сплаве леса для корабельного строительства в Петербурге. К тому же на татарских и башкирских мужчин налагалась обязанность защищать восточные границы России со Средней Азией, проходящие по реке Яик. В Казани в 1712 году был заложен помповый завод, в 1714-м - суконная фабрика, в 1718-м - конный завод. Нетрудно догадаться, что строительство заводов и фабрик велось не только в целях экономического и промышленного развития, но и ради насильственного обучения инородцев русскому языку и поглощения их русскими, а мусульманские всадники направлялись на границу с "благим" намерением сократить их количество посредством боевых стычек со среднеазиатскими мусульманами.

В конце октября вожаки повстанческих отрядов собрались на совет вблизи Мензелинска. В нем участвовали Акай и Кильмяк-абыз. На совете упомянули о "добrote" Румянцева - о том, что он не наказал 8 старшин, пришедших к нему с повинной. Наконец решили написать челобитную на имя царицы и передать ее в руки Румянцева. Однако Кильмяк и его сторонники отказались от "визита", к Румянцеву поехали лишь акаевцы. И на этот раз генерал, намеревавшийся схватить всех предводителей вместе, отпустил покаявшихся старшин. По-видимому, из-за этого в ноябре на Казанской и частично на Ногайской дорогах повстанческое движение пошло на убыль.

Однако разгорелась пламя борьбы на Сибирской и Осинской дорогах Уфимской провинции. На Сибирской дороге первые повстанческие отряды начали организовываться еще в феврале 1735 года, затем освободительное движение перекинулось на Урал и в Зауральские волости. Отряды совершили ряд нападений на правительственные команды, ведущие строительство Верхнеяицкой крепости, на обозы, везущие продовольствие и фураж в Оренбург, на имения старшин-изменников. Осенью 1735 года сам Кирилов двигался из Оренбурга на Уфу, а на Урал и побережья реки Яик был направлен его подручный - полковник Тевкелев. Подавление восстания за Уралом было поручено управителю казенных заводов Василию Татищеву.

Чтобы посеять вражду между поволжскими и приуральскими народами царские чиновники не останавливались ни перед чем. Тептярским и мишарским отрядам, подавлявшим восставшие башкирские аулы, дозволялось забирать себе там скот и все имущество. Башкирам, марийцам, чувашам разрешался грабеж мятежных татарских деревень. А карательные отряды Кирилова, Тевкелева, Татищева грабили и уничтожали все население, невзирая на национальность и происхождение. Но жестокость карателей вызывала в повстанцах ответную жажду мести.

22 декабря 1735 года отряд мятежников в количестве 1000 человек напал на большой обоз, двигавшийся под командой майора Шка-дера в Верхнеяицкую крепость, и окружил его. 4 января из Теченска на помощь обозу вышел отряд полковника Арсеньева. Но Арсеньев не дошел до цели, потому что 12 января на его полк напал другой отряд повстанцев в 1500 человек. На другой день на помощь повстанцам подошли еще 5 тысяч человек во главе с Юсупом Арыковым. Бой шли 3 дня, и Арсеньев, так и не выручив окруженный обоз, отступил в Сибирь. Победа окрылила повстанцев, и они, вдохновленные успехом, напали на Верхнеяицкую крепость и заняли ее. Одновременно мятежники жгли и разоряли такие деревни старшин-изменников, как татарские Киги, Атов, Юкаликуль, Явгильди, башкирские Казыбаево, Рахмангулово и другие.

Но спешили и каратели. Из Бирска против повстанцев Приуралья вышел Тевкелев и, добравшись со своим отрядом до Балыкчинской волости, совершил варварское злодеяние. 19 января 1736 года он захватил деревню Сеянтусы и, заперев в амбаре 105 башкир и мишар, сжег их живьем. В деревнях этой волости каратели Тевкелева перестреляли и перекололи штыками еще около 1000 стариков, женщин и детей. Чтобы не пропустить этих палачей на Урал, против них выступили отряды Юсупа Арыкова и Тюлкучуры Алдагулова. Напуганный известиями о победах повстанцев над командами Арсеньева и Шкадера, о захвате Верхнеяицкой крепости, Тевкелев обратился за помощью к царским властям. А испуганный размахом восстания Кирилов сбежал даже в Петербург. Освободительное движение в Закамье заставило всерьез задуматься императрицу и ее Кабинет министров. Правительство потребовало от Кирилова подробного рапорта об Оренбургской экспедиции и дополнительный проект об окончательном порабощении народа, населяющего Закамье.

Еще в период пребывания в Мензелинске в декабре 1735 года Кирилов и Румянцев вместе составили специальный доклад. Они писали, что живущие в Закамье башкирцы (а царские чиновники всех народов Закамья именовали "башкирцами") опасны не наличной своей силой, а постоянным своим размножением вследствие многоженства. Кирилов и Румянцев предлагали путем отправки мужчин на войны и охрану границы сократить процесс рождаемости мусульман; поселить рядом с мусульманами русские слободы; не позволять старшинам проводить курултаи; избирать старшин сроком лишь на один год и с них тоже требовать выплаты налогов. "В большинстве в здешних аулах и медресе муллами и абызами состоят пришлые казанские татары, - писали царские чиновники. - Каждый из них образован, башкирцы верят им, как пророкам. Поэтому татарских мулл и абызов нужно выселять из Уфимской провинции, медресе закрыть, шакирдов использовать в качестве толмачей". (И. Акманов, А. Чулошников).

Проект, составленный чиновниками, накопившими опыт в кровавой борьбе против мусульманских народов, не остался без внимания. 11 февраля 1736 года императрица издала свой первый Указ, составленный на основе проекта Кирилова. Воспрянувший духом Кирилов тут же составил дополнительный проект и положил его перед царскими министрами. Правительство одобрило и этот проект, и уже 16 февраля был оглашен второй Указ. Два Указа включали в себя следующие повеления:

- отобрать землю у восставших башкирских старшин;
- отнятые у башкир земли раздать верным мишарам так: старшинам - по 200, есаулам, сотникам, писарям - по 100, рядовым по 50 четвертей;
- тептяр и бобылей освободить от уплаты оброка башкирским старшинам;
- разрешить русским дворянам, купцам и заводчикам покупать у башкир сколько угодно земли;
- запретить постройку мечетей без разрешения правительства;
- насильственно переселять в Уфимскую провинцию русских, в крайнем случае, осужденных на ссылку христиан;
- запретить брак между татарами и башкирами, в случае тайного венчания привлечь к штрафу, как молодоженов, так и мулл, их обручивших;
- бунтовщиков всякими мерами искоренить, жилища их разорять, пойманных воров казнить на страх другим; прочих ссылать на ссылку вместе с женами и детьми; пленных, годных для воинской службы, - отправить в армию и на флот, негодных - на каторгу в Рогервик; жен казненных или убитых бунтовщиков и их детей раздать русским, кто ожелает; хлеб у "воров" отобрать, их коней - в драгунские полки;
- для подавления восстания сосредоточить в Закамье карательные войска, в общей сложности из 22 тысяч солдат и т.п. (И. Акманов, А. Чулошников).

Невозможно перечислить все пункты этих Указов, превосходящих своей жестокостью вердикты средневековых колонизаторов. А такие беспощадные Указы будут издаваться еще и еще. Потому что освободительная борьба татарско-башкирского народа пока продолжается...

Кирилов же счастлив. Получив на руки Указы, он спешит в путь и уже 27 февраля встречается в Елабуге с Румянцевым. Царские чиновники, ошалевшие от радости, спешат поделить между собой волости для подавления восстания: "Румянцев и Кирилов должны наводить "порядок" на Казанской и Ногайской дорогах, Тевкелев и Мартаков - на Осинской, Татищев и Арсеньев - на Сибирской дороге".

Первым устремился в поход Татищев. Его трехтысячный отряд вышел в путь 13 марта и сжег более 90 деревень. Его палачи дошли до озера Чебаркуль (ныне на территории Челябинской области), в ходе карательной операции убили 384, взяли в плен 162 повстанца, угнали или перекололи 1247 лошадей, 850 коров.

Кирилов с 24 марта по 20 мая свирепствовал на Ногайской дороге. Было убито 1658, взято в плен 360 повстанцев, разорено или сожжено 313 деревень.

Румянцев разорял Казанскую дорогу и волости по реке Дёма. Было убито более 1000 взрослых и детей, сожжено 100 деревень.

Данных о "делах" Тевкелева нет. Но не приходится сомневаться, что этот палач свой "долг" исполнил "на совесть"...

В конце мая 1736 года Румянцев и Кирилов встретились в Уфе. Хотя к этому времени были заложены Табынский, Чебаркульский, Уклы-Карагайский, Верхнеяицкий, Красноуфимский, Ачитский крепости и десятки заводов, колонизаторы начали строить планы о возведении новых крепостей и заводов в крае, о переселении сюда русских солдат и русских деревень, о дальнейшем захвате башкирских земель.

Однако мусульманский народ, испытавший столько жестокости, убийств и грабежей, не собирался ни склонить голову, ни прощать карателей. В конце апреля и в мае усилилось пламя восстания на Сибирской дороге. Предводителем мятежников выступил Юсуп Арыков. С целью вернуть награбленное и отомстить карателям повстанцы бросились на русские деревни. В июне они убили 152 русских крестьянина в 30 деревнях, ранили 67 человек, угнали 1141 лошадь.

Движение на Сибирской и Осинской дорогах в июне возглавил Тюлкучура Алдагулов. Его отряды разорили ряд русских деревень, осаждали Осу, напали на полк Мартакова, причем ранили самого полковника, а его полк обратели в бегство.

Из-за наличия карательных отрядов в волостях, особенно из-за их убийств и грабежа в 1736 году был сорван весенний сев. Летом на Сибирской дороге начался невиданный голод. Татищев даже из этого бедствия извлек себе выгоду. Он приказал раздавать запасы хлеба только тем, кто являлся к царским чиновникам с повинной за участие в восстании. Ради спасения своих жен и детей от голодной смерти в сентябре к Татищеву явились, склонив головы, 1860 повстанцев. Ведя переговоры через продажного тархана Таймаса Шаимова, Татищев захватил и одного из предводителей - Юсупа Арыкова.

Повстанческое движение на Ногайской дороге вновь возглавил Кильмяк-абыз Нурушев. Мятежники проведальи о том, что скоро палач Кирилов должен выйти из Уфы и отправиться в Оренбург. Под началом Кильмяка было уже свыше 8 тысяч воинов. Он готовился встретить Кирилова, но узнал о том, что его соратник - крупный предводитель всего восстания Акай Кусюмов к этому времени попал в плен к

карателям. Чтобы выволить Акаю из плена, Кильмяк отделил из своего отряда 2 тысячи воинов и ночью 29 июня 1736 года внезапно напал на лагерь генерала Румянцева, расположенный на берегу реки Ик. В этот день солдаты Румянцева перепились по случаю праздника в честь апостолов Петра и Павла и никак не ожидали беды. Воины Кильмяка убили 180, ранили 60 солдат, но все же им не удалось освободить Акаю из плена.

К вновь вспыхнувшему на Казанской дороге восстанию присоединились татары и тептяри Мензелинского уезда. Стремясь захватить главный штаб колонизаторов и центр расправы с восставшими в Закамье - Мензелинскую крепость, мятежники предприняли несколько штурмов, громили действовавшие в окрестностях мелкие отряды карателей, разоряли имения старшин-изменников. Прорвать блокаду осажденного Мензелинска сумел лишь Румянцев, вернувшийся сюда после столкновения с Кильмяком. Пытаясь установить "порядок" на Казанской дороге, он в июле организовал карательные походы и на берега реки Ик, и в направлении Камы. Однако, встретив со всех сторон сильное сопротивление, он вынужден был вновь спрятаться за дубовыми стенами Мензелинской крепости. 20 июля он написал письмо с просьбой к правительству прислать на помощь три драгунских полка и иррегулярных сил, сколько возможно.

Правительство быстро откликнулось на просьбу опытного колонизатора. 6 августа был издан именной Указ, и в Закамье были отправлены дополнительные воинские силы, в т.ч. астраханский драгунский полк. 27 сентября был издан еще один Указ подобного содержания, и в Мензелинск были отправлены 2 новых драгунских полка. Число солдат-карателей на охваченной восстанием территории достигло 18 тысяч. Однако, когда прибыли свежие силы карателей, Румянцева в Казанской губернии уже не было. Отправленный с неограниченными полномочиями генерал-лейтенант, за целый год не добившись каких-либо результатов в подавлении мятежа, к тому же позорно побежденный 29 июня отрядом Кильмяка, - не оправдал доверия царского двора. На основании Указа от 13 июля Румянцев был отправлен на Украину, в действующую армию, которая вела бои с турками и крымскими татарами. На место Румянцева командующим карательными войсками в Поволжье и Приуралье был назначен бригадир М. Хрущев. 5 сентября Румянцев сдал свои полномочия прибывшему в Мензелинск Хрущеву и 12 сентября через Казань отбыл на Украину.

Хрущев же обращаться решил с непокорным мусульманским народом посредством жестоких мер по принципу огня и меча. 21 сентября он обратился с универсалом к восставшим старшинам, в котором содержался призыв явиться с повинной. В противном случае он грозил жестокой расправой. Но вожаки не откликнулись. Повстанческое движение на Казанской дороге даже усилилось. На этот раз им руководили сын попавшего в плен к палачам Акаю Кусюмова - Абдулла Акаев и Султанмурат Дюсеев (Дюслеев).

Для "наведения порядка" на Казанской дороге Хрущев направил команду подполковника Есипова из тысячи драгун и солдат, 250 казаков. На Ногайскую дорогу послал полк полковника Протасова. Одновременно было приказано Татищеву "активизировать свои действия". Сам Хрущев в Мензелинске принялся за экзекуции, в этом ему помогал местный воевода Ф. Волконский. До середины декабря были подвергнуты мучительной казни 13 предводителей: их колесовали, вешали за ребра, сажали на кол (И. Акманов). Для того, чтобы утратить местное население края, каратели применяли и другие формы истязания. Они пригнали к прорубям на реке Мензеля сотни арестованных повстанцев. Из каждых 40 крестьян палачи оставили в живых только одного, а 39 человек утопили в прорубях. Другую группу арестованных мятежников привязали друг к другу, дабы не убежали в пути, и погнали в Казань. На зимней дороге от голода, ран, обморожения скончались десятки людей. А однажды палачи загнали пленников в большое помещение, заперли и сожгли живьем ("История Татарии...").

Издевательства продолжались. 144 узника Мензелинской тюрьмы были сосланы на каторгу, 505 женщин и детей розданы русским в рабство. Кроме этих варварских актов царские палачи потребовали по одной лошади от каждого повстанца. Из деревень Мензелинского уезда было собрано 2 тысячи лошадей.

В первой половине декабря повстанцы написали челобитную императрице с жалобой на Хрущева, но царский двор откликнулся на это приказом к дворянам с требованием скорейшего подавления восстания. Такая поддержка, ясное дело, только развязала Хрущеву руки. 21 декабря он провел в Мензелинске совещание с командирами карательных полков. Вынесли решение: весной 1737 года организовать новые походы на Казанскую и Ногайскую дороги, мятежный край потопить в крови. Правительство одобрило эти мероприятия. Императрица Анна Иоанновна, издав 10 мая 1737 года именной Указ, еще более унизила мусульманское население. Кроме уплаты денежного налога она потребовала от русских крестьян - один пуд, а от татар - по два пуда хлеба.

Чтобы захватить самого опасного из предводителей восстания - Кильмяка Нурушева, Хрущев решил прибегнуть к помощи старшин-предателей. К Кильмяку поехали башкирский тархан Кидряс Муллакаев (эта продажная тварь будет оказывать услуги царскому правительству и во время пугачевского восстания; вот уж действительно, сорняк живуч!) и Аиткул Илимбаев. В течение месяца, путем ложных посулов, они уговаривали Кильмяка приехать в Табынск. И уговорили-таки. Так Кильмяк в феврале 1737 года оказался в руках властей. Заковав в цепи, его препроводили сначала в Уфу, затем в Мензелинск. Хрущев уже готовился посадить Акая, Кильмяка, Юсу-па Арыкова и еще пятерых предводителей на каменные колья. Но ему не удалось осуществить свой чудовищный замысел. Хрущеву присвоили звание генерал-майора ("заслужил!"), отозвали из Закамья и отправили на войну.

Зато Татищев не терял времени зря. 28 февраля под личным своим руководством он осуществил казнь нескольких предводителей: Сабан Сафаргулов был колесован, Бикшурга Назаров - четвертован, Исянгул Мамбетов - обезглавлен.

14 июня 1737 года содержащихся в Мензелинской тюрьме Кильмяка Нурушева, Акая Кусюмова, Юсупа Арыкова увезли в Уфу. Написав особый циркуляр, императрица велела не наказывать их. Но местные власти продолжали избиения и истязания пленных. Царские колонизаторы вообще не проявляли милосердия по отношению к мусульманам, применяя по отношению к ним лишь исключительную жестокость.

Закончился первый этап национально-освободительного восстания 1735-1740 годов. Согласно данным историка П. Рычкова, за период Акай-Кильмяковского восстания - в 1735-1737 годах - палачами в Казанской губернии было сожжено 696 деревень, 16893 человека были убиты в ходе боев или казнены палачами, 3406 человек сослано в ссылку, 9194 женщины и осиротивших детей роздано в рабство русским; с участвовавших в восстании волостей было отобрано 17154 голов скота, 9223 рубля в качестве штрафа (С. Алишев, В. Витебский). Вожаки восстания татары: Сеит Крусев из Уфимского уезда, Муслим Сарманаев, Заит Аитов - из казанской слободы, Токай Сенякаев, Абдул Мамеков - из деревни Калек, Абдрахман Манычев, Сеит Мамедов, Калмет Крусев из деревни Ширдан Свияжского уезда и десятки других были отправлены на каторгу в Рогервик (С. Алишев). Цифры и факты ужасающие. К сожалению, они будут расти, поскольку борьба еще не закончилась...

В 1737 году правительству пришлось заменить обоих руководителей колонизации Казанской губернии. Из-за болезни неожиданно умер Кирилов. На его место начальником Оренбургского края назначили Василия Татищева, ревностного сторонника колонизации данного края. На место отбывшего на войну

Хрущева командующим карательными войсками (в царских документах - начальником Башкирской комиссии) поехали генерал-майора Леонтия Соймонова.

В стане предводителей восстания тоже произошли изменения. Если повстанцами Сибирской дороги по-прежнему руководили Тюлкучура Алдагулов и Бепеней Турупбердин, то вожаками на Ногайской дороге стали Сеитбай Алкалин, Кусяп Султангулов, Рысай Игембетов, на Казанской дороге - Абдулла Акаев, Султанмурат Дюслеев. Некоторые отряды осадили Табынскую крепость, а тысячный отряд Кусяп-батыра отважился напасть даже на военный лагерь самого Соймонова.

К несчастью, осенью 1737 года и Абдулла, сын Акая-батыра, попал в плен. Каратели увезли его в Уфимскую тюрьму, где тот встретился со своим отцом. Вид отца, изможденного от голода и пыток, произвел на сына удручающее впечатление. Чтобы выволить отца из лап смерти, Абдулла пошел на хитрость. Он принес "повинную" за участие в восстании и обещал карателям уговорить оставшихся на свободе предводителей прекратить мятеж. Приехавший в январе 1738 года в Уфу В. Татищев самолично выпустил Абдулла на волю. Абдулла направился на Ногайскую дорогу, встретился там с одним из предводителей восстания - Бепенеем Турупбердиным и "уговаривал" его принести повинную. Но находящиеся на свободе предводители и не думали прекращать борьбу. Одно за другим повторились нападения на Бузулукскую, Чебаркульскую, Бирскую, Челябинскую, Богдановскую, Красноуфимскую крепости. Повстанцы сразились с командой полковника Арсеньева, насчитывающей 2500 человек, и вынудили ее отступить. Коварный Татищев, в надежде отговорить повстанцев от мятежа, выпустил из Уфимской тюрьмы еще одного предводителя восстания - Юсупа Арыкова и тоже направил его к бунтующим. Но "старания" Абдуллы Акаева и Юсупа Арыкова были бесполезными. Несломленного духом Акай-батыра и Кильмяк-абыза палачи предали казни.

Главный же каратель Соймонов показывал образцы жестокости по отношению к восставшим. В июне 1737 года он в Мензелинске казнил 98 участников восстания, попавших в его руки. Выступив 26 июля из Мензелинска по направлению к Табынску, он разорил десятки деревень, убил сотни мужчин. Царский палач в своей ненависти к мусульманам дошел до того, что по его приказу каратели осенью 1737 года выжгли созревший на полях или сложенный в гумнах хлеб, сено в копнах. Делалось это для того, чтобы вызвать голод у местного населения и таким образом поставить народ на колени (Н. Устюгов).

Аппетит у царских палачей разыгрался. Его подогревал и царский указ, обещавший в случае прекращения восстания "пристойную сумму в прибавок". Татищев и Соймонов решили позвать казахских султанов и биев на помощь карателям в подавлении восстания. Цель была двоякой: посеять вражду между мусульманами и уменьшить их количество во взаимных битвах, естественно, при этом оставляя русских простыми наблюдателями и, главное, невредимыми. Присягнувший в 1731 году на верность русской императрице казахский хан Абулхаир не заставил себя долго ждать. Первым против повстанцев выступил отряд казахского мурзы Шахмамета. Мятежники встретили их достойно. Хотя с обеих сторон в бою участвовало до тысячи человек, татаро-башкиры обратили в бегство остатки казахского отряда.

Поздней осенью 1737 года на землю Башкортостана вступил и сам хан Абулхаир. Коварный Татищев, наверняка, умолял Бога, чтобы мусульмане начали взаимную резню. Но предводители восстания, при встречах с Абулхаиром смогли склонить его на свою сторону и даже женили на башкирке. "Оскорбленный" Татищев вынужден был послать "гостинец" хану и молодой ханше - "рублев до ста товарами". Но, несмотря на старания мятежников, Абулхаир все же с опаской смотрел на царских чиновников. И когда Татищев пригласил Абулхаира на встречу в Оренбург, продажный хан привел с собой 20 апреля 1738 года одного из вожаков мятежа - Кусяпа Султангулова. Палачи, схватив его, пытали и требовали, чтобы он принес повинную. Позже допрашивал его и сам Татищев. Но тщетно - народный

вождь и не думал каяться. После этого Татищев увез его в Сакмарскую крепость, где 9 сентября состоялась казнь. Уже у виселицы Татищев еще раз попытался получить покаяние Кусяп-батыра, однако народный герой ответил всего лишь такими словами: "Знаю, что надобно умереть для того только, что мне не удалось, и глупый народ меня не послушал". Не добившись ничего от Кусяпа, Татищев приказал его повесить (Н. Устюгов).

10 мая 1738 года и другой палач, Соймонов, отправился в новый карательный поход. Он и на этот раз прошел по прошлогоднему маршруту - от Мензелинска в Табынск, снова он сжег десятки деревень, разорял кочевья, истреблял повстанцев. Надеясь посредством покаяния остановить его вакханалию, к Соймонову в июне явились 2 вожака Ногайской дороги - Сеитбай Алкалин и Рысай Игембетов. После допросов и истязаний их отпустили. Но покаяние вожаков не остановило палачей. Каратели требовали от населения по одной лошади за каждого участника восстания. Такой грабеж снова заставил людей взяться за оружие. В июле Соймонов отправился в новый поход, сжег 32 деревни, уничтожил 881 человек. Осенью 1738 года изменники-старшины захватили в плен еще одного предводителя Ногайской дороги - Бепеня Турупбердина. Его привезли в Мензелинск и подвергли пыткам. Ряд старшин вынужден был явиться к карателям с повинной. Правда, чаще всего такой шаг они совершали при приближении карательных отрядов, с целью избежать наказания, а после их ухода снова брались за оружие.

В январе 1739 года Татищев отправился в столицу, чтобы сделать подробный доклад о ходе дел во вверенном ему крае. 22 февраля он рапортовал императрице: "Две опаснейшая - Казанская и Ногайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а Осинская и Сибирская дорога - хотя не столько людей пропало, однако у всех лошади и скот пропали, деревни пожжены, и, не имея пропитания, многие с голоду померли". И выразил надежду, что после стольких потерь вряд ли здешний народ сможет поднять новый бунт (И, Акманов, Н. Устюгов).

"Подвиги" Татищева получили высокую оценку императрицы и его оставили в столице. Новым начальником Оренбургского края назначили генерал-лейтенанта В. Урусова. До его приезда в край, пока суть да дело, там осуществлялись еще замыслы Татищева, Это он задумал провести тщательную перепись населения во вверенном себе крае, и в январе, отъезжая, дал соответствующие указания. Соймонов отправил на все 4 дороги вооруженный отряд во главе с такими офицерами, как капитаны Стрижевский, Кублицкий, Краснобаев, толмачи Роман Уразлин, Субхангул Уразов, поручик Черкасов и др. Мусульмане решили, что власти хотят отобрать у них земли и пере вести их на подушную подать. Мусульман на недовольство толкали и сами переписчики. Так, кроме населения, они учитывали и добро, награбленное в русских деревнях, а вдов и сирот записывали в отдельную графу с целью выселения их с территории Башкортостана, Это толкнуло население на подозрение, что у них хотят отнять награбленное или отомстить за это, а запись вдов и сирот люди восприняли как насильственное крещение. Из-за этого старшины отказывались пускать переписчиков в свои волости. В результате начались новые боевые стычки. На этот раз к восставшим присоединился и Алдар-тархан Исянгильдин - предводитель восстания 1704-1711 годов.

К сожалению, к концу лета 1739 года среди старшин произошел раскол. Часть из них во главе с Сеитбаем Алкалиным и Тюлкучурой Алдагуловым стояли за новый бунт, другие предпочитали покорность перед русской силой, они же пошли на подлость и предательство. Заранее "условившись" о совместном нападении на отряд капитана Стрижевского, прибывшего на Сибирскую дорогу, покорные старшины уведомили об этом Соймонова. Когда Соймонов им обещал "высочайшую милость", старшины-предатели захватили в плен Тюлкучуру. 25 августа 1739 года Тюлкучура со своими тремя соратниками был доставлен в Мензелинск, где подвергся допросу и истязаниям. По приказу Соймонова в сентябре Тюлкучура, трое его сторонников и Бепеней Турупбердин, "просидевший" в Мензелинской тюрьме около года, были казнены (Н. Устюгов).

Вскоре попали в плен и руководители повстанцев Ногайской дороги Алдар Исянгильдин и Сеитбай Алкалин. Их также доставили в кандалах в Мензелинскую крепость, где их допросил лично сам Соймонов. Вожаки не принесли генералу повинную. 16 марта 1740 года Алдар-тархан, Сеитбай и еще 8 предводителей были повешены (Г. Хусаинов).

Непокорным старшинам, оставшимся на воле, но без вожаков, нужно было найти такой призыв, такое знамя, которые снова объединили бы всех мусульман, живущих в Закамье. Волостные руководители приняли решение "найти" для этой сложной задачи нового "хана". Бедного башкира Миндигула Юлаева, уроженца Юрматынской волости, дважды совершившего паломничество в Мекку, хорошо владевшего арабским языком, знатока Корана, к тому же смелого, искусного наездника, старшины объявили Султаном-Гиреем, младшим братом джунгарского хана Галдан-Черена, но обиженного братом и прогнанного. Во время вынужденных скитаний он, якобы, взял прозвище Карасакал (Черная борода) и, пока не сядет на трон, не вернет себе подлинное имя. Чтобы вызвать доверие у народа, старшины прикрыли лицо Карасакала, оказывали ему почести, целуя полу его халата, его руку. В начале 1740 года его даже подняли на белой кошме, как настоящего хана, и принесли ему клятвы верности. Старшины же распустили слух, что у Карасакала в прикаспийских степях имеется 82-тысячное войско, готовое двинуться в поход против русских по первому же зову.

В конце января численность отряда Карасакала дошла до 400 человек. В феврале начались вооруженные столкновения. Напав на отряд толмача Уразлина, Карасакал вынудил его к бегству. После этого Карасакал разорил деревни нескольких старшин-изменников. В марте восстание уже охватило всю Сибирскую дорогу. Генерал Соймонов отправил против Карасакала карательные полки, а сам 22 марта направился из Уфы в Мензелинск и стал набирать в ближайших волостях отряды из верных правительству старшин. Отряд Карасакала и правительственные полки встретились в конце марта, но после боя повстанцы вынуждены были отступить в направлении Ногайской дороги. Здесь с появлением "хана" поднялись все деревни, и под знамя Карасакала встало свыше 1500 человек. "Хан" "присвоил" нескольким старшинам звания беков и султанов. Но доверие народа к нему уже начало угасать, ибо вместо обещанных 82-х тысяч бойцов с Прикаспия не прибыли к нему и 8 человек.

И все же в мае на берегу Яика Карасакал выиграл несколько сражений. Но в 20-х числах мая объединенные карательные отряды подполковника Павлуцкого и секунд-майора Языкова наголову разбили войско Карасакала, в бою погибли свыше 400 повстанцев. Отряд Карасакала, преследуемый карателями, бросился в воды Яика. Здесь погибло еще 150 повстанцев. Многие жены, бросившись в воду вслед за мужьями, утонули. Каратели не пощадили даже детей, оставшихся на берегу, изрубили их саблями.

В июне команда Павлуцкого догнала Карасакала за Тоболом. В последнем сражении погибло 300 мятежников. Раненый же "хан", бросив своих воинов, убежал в казахскую степь. Сколько ни искали его каратели, но сыскать не смогли (И. Акманов).

Генералы Соймонов и Урусов, буквально залит Закамье кровью, решили с корнем вырвать стремление татарско-башкирского народа к свободе. Начались ужасающие акты возмездия. Генералы чуть ли не соревновались друг с другом в жестокости. Палачи Урусова согнали 6 тысяч повстанцев, их жен и детей в низину возле Оренбурга. 25 августа 1740 года здесь палачи посадили 5-х повстанцев на кол, 11 крестьян повесили за ребро, 21 мятежнику отрубили голову, 85 человек повесили на виселицах. Людей, наблюдавших такой вандализм, погнали дальше, в Сакмарскую крепость, и там на их глазах казнили еще 170 крестьян. Здесь же 301 повстанцу (П. Рычков называет цифру "тысяча" - А. Пушкин. "История Пугачева") отрезали язык, уши, вырвали ноздри. Детей и жен казненных роздали в рабство русским.

Только в промежутке от июня до сентября в Уфимской провинции карателями Урусова было сожжено 725 деревень, отобрано 5298 лошадей, 5736 коров (И. Акманов).

Командующий карательными войсками генерал Соймонов тоже не остался "в долгу". Во время его "службы" в Уфимской провинции подчиненные ему палачи убили на полях битв 3665 повстанцев, казнили 404 человека, отправили на каторгу 802 крестьянина, роздали в рабство русским 3026 женщин и детей. Солдаты Соймонова отобрали в волостях провинции 6870 лошадей, кроме этого крестьянского добра на сумму 9529 рублей. Огню были преданы 343 деревни, 3220 усадеб ("Очерки по истории Баш. АССР").

В ходе борьбы за свободу, начавшейся в 1735 году и продлившейся до 1740 года, татарский и башкирский народы, проживавшие в Казанской губернии, потеряли не менее 40 тысяч человек (И. Акманов). Царское правительство ценой таких невероятных жертв со стороны мусульман подготовило плацдарм для захвата Средней Азии.

7.ГОДЫ МУК И СЛЕЗ.

После подавления восстания 1735-1740 годов, российское правительство еще более жестоко и коварно продолжило политику окончательного порабощения поволжских и приуральских народов, сделав ее уже общегосударственной политикой. В ней не забывалась ни одна из сторон, способствующая вытравлению свободолюбивого духа "инородцев".

7.1. УГНЕТЕНИЕ КРЕСТЬЯН.

В 1740 году Казанская губерния объединяла семь провинций: Казанскую, Вятскую, Пермскую, Свияжскую, Симбирскую, Пензенскую и Уфимскую. В ней насчитывалось более 2 миллионов жителей. Царский двор продолжал политику разъединения двух родственных - татарского и башкирского - народов. С этой целью Указом от 1741 года Уфимская провинция (а в ее составе тяготеющие к Казани Мензелинский уезд и Бугульминское ведомство) была выделена из состава Казанской губернии и стала особой административной единицей. Провинцией стал править П. Д. Аксаков, возведенный в ранг вице-губернатора. Этот чиновник, сразу же после приезда в Уфу, показал себя беспощадным миссионером. Зимой 1741-1742 годов в провинции начался ужасающий голод. Хотя в Уфе в это время имелось более 20 тысяч пудов запаса хлеба, Аксаков запретил его продажу. Он предложил раздавать хлеб только тем крестьянам, кто добровольно примет христианскую веру. В результате этого крестьяне, не вынеся мук голода, вынуждены были привозить в Уфу своих детей и менять их на хлеб ("Очерки по истории Баш. АССР").

Нелегким было положение крестьян и в Казанской губернии. Каждому мужчине в губернии выпадало 7 десятин земли, но только 1,7 десятин из них были пахотными. В то время крестьянский двор состоял в среднем из 11-14 человек, в каждом хозяйстве содержались лошадь, корова, овцы, птица, другая живность. Кроме прокорма семьи и скота, кроме закладки семян, каждый крестьянин вынужден был продавать хлеб как для приобретения сельскохозяйственного инвентаря, одежды, мебели, так и для выплаты ежегодной подушной подати, требовавшейся с его семьи. К 50-м годам XVIII века сумма подушной подати составляла уже 1,7-2 рубля. Вдобавок, мусульманин обязан был вносить налог и за крещеных своих односельчан. Если учесть, что пуд муки оценивался в то время в 10-15 копеек, наверное, нетрудно будет подсчитать, сколько хлеба вынужден был вывозить каждый крестьянин на рынок. Но это еще не все. Кроме подушной подати, крестьянин обязан был платить дополнительный денежный налог за содержание уездной канцелярии, за рекрутов, за баню, за подводы. Вспомним и то, что по Указу Анны Иоанновны от 1736 года татарский крестьянин вынужден был отдавать хлеба государству в два раза

больше, чем русский. Тот же крестьянин обязывался участвовать в ремонте или строительстве дорог, мостов, мельниц, выделять продукцию, фураж, подводы для проезжающих через уезд воинских команд или для дислоцированных в уезде гарнизонов. На плечи того же крестьянина ложилось обеспечение боевым конем, подводой, амуницией для коня, продукцией, одеждой, деньгами односельчан, уходящих на войну или на охрану границы по Яику; денежную подать за отбывших вносили опять же они. Крестьянин обязывался еще платить дополнительные налоги за содержание почтовых ям, за пользование лесами и озерами; они же заготавливали дрова для казенных мельниц, сплавливали лес по Белой, Вятке, Каме, Волге и выполняли еще десятки тяжелых повинностей.

Тот гнет, который терпели крестьяне, как говорится, всем миром, может быть, казался им не очень обидным. Выводило их из терпения то, что с каждым годом росло количество русских помещиков в их крае и к 50-м годам их число достигло 800. Они становились хозяевами не только лучших озер и лесов, но и захватывали у татарских крестьян поля с созревшим хлебом, луга со скошенными покосами. Куда бы ни обращался татарский крестьянин с жалобой на русского помещика, никто не уделял внимания его письмам, написанным на татарском языке. В результате пахотные участки в подушных наделах сократились до 0,9-1,3 десятины и хозяйства татарских крестьян пришли в такое состояние, что стали неплатежеспособными в отношении ежегодных подушных и дополнительных денежных налогов. В 1750 году сумма недоимок у татарских крестьян исчислялась в 251 тысячу рублей. Для выяснения причин этих недоимок Сенат отправил в Казанскую губернию специальную группу офицеров. Офицеры написали следующий рапорт: "Всех оставшихся иноверцев - 129087 человек, в том числе татар - 108580. Состоятельных к платежу за себя и за новокрещеных - 44998. Несостоятельных к платежу не только за новокрещеных, но и за себя - 64700 человек" (С. Алишев).

7.2. МУКИ ЛАШМАНСТВА.

Когда Петр I в 1718 году издал Указ о закладке в Казани верфи по строительству кораблей для Каспийского флота, все последовавшие за ним тяготы и лишения легли на плечи, в первую очередь, татарских крестьян. Столетние дубы и сосны, пригодные для строительства кораблей, иногда приходилось заготавливать в лесах, расположенных за десятки верст, и сплавливать по рекам до Казани. Татарских крестьян, прикрепленных к Казанскому адмиралтейству, чаще всех употребляли именно на этих тяжелейших работах. В лесозаготовители, прозванных позже "лашманами", отправляли мужчин от 15 до 60 лет. Они вынуждены были работать в лесах безвыездно в течение или целого года, или полугода. При наборе в лашманы на полгода из 9 крестьян брали одного пешего и одного лошадного, при наборе на год - из 25 крестьян одного лошадного и двух пеших. За крещеных односельчан эту повинность выполняли некрещеные крестьяне (С. Алишев). Когда же в 1740-1750 годах почти все черемисы, чувашаи, мордва, удмурты приняли христианство, то лашманская повинность уже полностью досталась татарским крестьянам. Так, если в 1747 году из прикрепленных к адмиралтейству 44739 крестьян более 37 тысяч составляли татары, то в 1767 году из 66151 лашмана 45146 человек были татарами (Х. Хасанов).

Когда из-за лашманства отсутствовал глава семьи, то его хозяйство приходило в запустение. Крестьяне, уезжая на лесозаготовки, не могли сеять хлеб, заготавливать сено и дрова. Несмотря на такие лишения, царская администрация не освобождала лашманов от ежегодных подушных налогов. Да и за адский труд в лесах, за мучения крестьян в холодных шалашах и землянках правительство не платило ни одной копейки денег. Только начиная с 1757 года (и то под влиянием восстания Батырши) ввели смехотворную плату: лошаднему крестьянину зимой - 8, летом 10 копеек, а пешему 5 копеек за день, несмотря на времена года (Г. Губайдуллин). И никто не учитывал то, что лашман-крестьянин вынужден был привозить с собой на лесозаготовки как инструмент, одежду и продукты для себя, так и фураж и амуницию для лошади. А какие муки и тяготы переносил крестьянин на лесозаготовках - это не поддается описанию. Под бревнами или от холода лашманы в лесах погибали сотнями. Цитату из книги Н. Калинина "Прошлое крестьян нашего края" необходимо воспринимать именно как истину: "Много

калечились татары во время лашманских работ. Среди десяти человек восемь всегда становились инвалидами. Они тратили в три раза больше денег на заготовку леса, чем получали от казны за работу".

7.3. ИСТЯЗАНИЯ НА ЗАВОДАХ.

Наряду с десятками видов тягот и повинностей XVIII век принес татарскому и башкирскому крестьянину еще и мучения на заводах и фабриках. Заложенная Петром I политика промышленного и экономического развития России начала особенно активно осуществляться в Поволжье и Приуралье. Если в 1701 году на территории, подчиненной приказу Казанского дворца, был основан первый - Невьянский завод, то в 50-х годах число металлоплавильных заводов в Оренбургской губернии дошло до 28 (Д. Рахимов, Х. Муратов). Казанская губерния также покрылась сетью заводов. Из-за того, что мусульманам под страхом смерти запрещалось заниматься металлоплавильным и кузнечным делом, все заводы в Поволжье и Приуралье были основаны только христианами, а русские промышленники и купцы, выбирая выгодные для строительства заводов и богатые рудами места, никогда не спрашивали на то разрешения у владельцев земель - мусульманских феодалов. Симбирские купцы И. Твердышев и И. Мясников в начале 1740-х годов, основывая Белорецкий завод, 300 тысяч десятин лесов и земли в этом районе путем запугиваний и обманом "купили" у местных старшин всего за 300 рублей, а прощом - отняли. В течение 1746 - 1755 годов графы Шуваловы и Сиверсы, купцы Мосоловы, Демидовы, Красильниковы основали в Оренбургском крае Нязе-Петровский, Преображенский, Каноникольский, Златоустский, Богоявленский, Каслинский, Архангельский, Вознесенский, Авзяно-Петровский и другие заводы (А. Чулошников). 70 тысяч десятин земли для Нязе-Петровского завода промышленники "купили" - за 30, сто тысяч десятин земли для Преображенска - за 100, тридцать шесть тысяч десятин для Камбарска - за 130, а 180 тысяч десятин земли для Авзяно-Петровского и Кигинского заводов всего лишь за 20 рублей ("Очерки по истории Баш. АССР").

На территориях, относившихся к Казанской губернии, Мензелинскому уезду, Бугульминскому ведомству, ряд металлоплавильных заводов были основаны в тех же 40-50-х годах. Первым, 16 декабря 1743 года, Таишевский медеплавильный завод неподалеку от Кукмор заложил крещеный татарин, купец Асафулла Иноземцев. Необходимый для завода лес и уголь возили татарские крестьяне. На самом заводе работали 195 мастеров и подмастерьев, 200 наемных рабочих и 130 прикрепленных крестьян из деревень Верхняя, Средняя, Нижняя Тоймы (Х. Хасанов).

В 1751 году сыновья Иноземцева основали Иштиряковский завод на берегу реки Байряш, в Мензелинском уезде. Купцы Осокин, Семен и Петр Красильниковы, Маленков, Мосоловы, крещеный татарин Ковелев основали Бемышский, Коринский, Шилвинский, Мёшинский, Берсутский, Шурминский, Нушманский заводы ("История Татарии..."). На берегах рек Ик и Сюнь основали заводы граф А. Шувалов и тульские купцы, братья Красильниковы (А. Чулошников). Число рудников, раскинувшихся по берегам рек Кама, Вятка, Ик, Сюнь, Мензеля, Мёша дошло до 1000. В составе руды медь составляла не более 3-4 процентов. Чтобы хоть как-то удовлетворить ненасытный аппетит промышленников в добычании меди, крестьянам приходилось возить руду на расстояния по сто верст тысячами подводами (Х. Хасанов).

Надо особо остановиться на деятельности российских "волков" по плавке металла - Демидовых. Всячески поддерживаемые в свое время самим Петром I, эти ненасытные промышленники к 1745 году уже были хозяевами Невьянского, Ревдинского, Нижне-Тагильского, Шайтанского, Черноисточинского, Выйского, Лайского, Уткинского, Колыванского заводов. Если в 1745 году Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна и продала за границу 323 тысячи пудов железа, то 75 тысяч из них были отправлены с фамильным клеймом "ССНАД", что означал "Статский советский Никита Акинфиевич Демидов".

На заводах, принадлежавших Демидовым, работали десятки тысяч крестьян в каторжных условиях. Их целыми месяцами не выпускали из шахт и забоев. Крестьян приковывали цепями к забоям и тачкам. Неповиновавшихся или даже не понравившихся хозяевам и приказчикам крестьян пытали в тюрьмах, подвалах или на безлюдных островах, привязав к деревьям, неделями не давали им пищи и воды. Чугун, железо, медь, добытые на Урале или в Башкортостане, в виде огромных плит грузились на плоты, которые сплавляли по рекам в центр России. Если же в горных, имеющих сотни подводных камней реках плоты переворачивались, то сопровождающих их крестьян ожидала неминуемая расправа.

Рабочих Демидовских заводов обязаны были бесперебойно обеспечивать продукцией крестьяне сотен деревень, расположенных в Мензелинском, Казанском, Сарапульском, Бирском уездах. Везли же они продукцию и фураж на своих подводах, за срыв в обеспечении их ожидало любое наказание. Заводские рабочие жили в темных, сырых и холодных бараках или землянках. За малейшую провинность их ожидали штрафы, истязания кнутом или прутьями. На заводах отсутствовали элементарнейшие правила безопасности, в шахтах, забоях, у плавильных печей калечились и погибали сотни крестьян. Правительству хорошо были известны условия жизни и работы крестьян на этих заводах, но Демидовы были всесильны. Ибо Никита Демидов преподнес "в подарок" Петру I в честь рождения Петра II сто тысяч золотых ефимков. Таких "поздравлений" и он сам, и его сыновья осуществляли не единожды.

Эти палачи-промышленники в 1755 году начали строить еще два - Кыштымский и Каслинский заводы. "Необходимые" для их основания земли в 600 тысяч десятин Демидовы "выкупили" у башкирских старшин за 250 рублей. Не отставал от Демидовых и бывший их "ученик" Иван Мосолов, 200 тысяч десятин земли возле Косотурских гор и реки Ай он "приобрел" всего за 20 рублей (Е. Федоров).

После перечисления таких "успехов" русских промышленников судьбу татарского старшины Надира Уразметова приходится упоминать лишь с грустью. Этот старшина, основавший современное село Надирово Альметьевского района, в 1729 году добился у правительства разрешения на строительство металлоплавильного завода. Однако местная администрация и русские промышленники не дали ему возможности осуществить свое намерение. Тем не менее Надир не пал духом. В 1754 году он со своим сыном Юсупом открыл нефтяные запасы возле реки Карамалы. В том же году, обратившись в Берг-коллегию, он добился разрешения на строительство нефтеперерабатывающего завода. Но неожиданно Надир заболел (?) и скончался. А сын его Юсуп отказался (?) от продолжения строительства завода. Так почему же?..

Однако вернемся к металлоплавильным заводам. Если в 1719 году к заводам, находящимся в башкирских степях, возле Уральских гор, в Казанской губернии, было прикреплено 31383 крестьянина, то к 1743 году эта цифра выросла до 87253, а в 1762 году уже до 190 тысяч ("Очерки по истории Баш. АССР"). Немалая доля каторжного труда на заводах досталась крестьянам и Казанской губернии. Более 25 тысяч крестьян Лаишевского, Чистопольского, Мамадышского, Казанского уездов были прикреплены к Боткинскому, Ижевскому, Авзяно-Петровскому, Вознесенскому, Рождественскому, Таишевскому, Шильвинскому заводам. Каждый крестьянин ежегодно должен был отработать на заводах определенные дни, с учетом времени года. Так, лошадный крестьянин зимой - 17, летом 28 дней, пеший же зимой - 42, летом 34 дня. Время, пройденное крестьянином на завод и обратно, не учитывалось. Крестьянин обязан был привезти продукты для себя и фураж для коня, отработать 10-14 часов в сутки. За поломку инструмента, невыполнение нормы, пререкания с приказчиками крестьяне постоянно подвергались штрафам и наказаниям. За каторжный же труд крестьянина хозяева платили пешим - 4-5 копеек, лошадным 6-10 копеек за сутки. Однако из-за того, что частенько владельцы заводов сами вносили в казну подушный налог за прикрепленного крестьянина, то "должнику" приходилось отрабатывать на заводе ежегодно по 80-160 дней (В.Мавродин). Пока крестьянин мучался на заводах, приходило в запустение его хозяйство в

деревне. Такой крестьянин вынужден был нередко брать в долг, денег у хозяина завода, не мог их вернуть и постепенно превращался в раба.

7.4. ПОЛИТИКА НАСИЛЬСТВЕННОГО КРЕЩЕНИЯ.

Мы уже не раз упомянули о той грязной и коварной политике насильственного крещения иноверцев, направленной в течение веков против народов Поволжья и Приуралья со стороны царского правительства и миссионеров. Еще раз напомним цифры. Если до 1719 года среди крещеных народов Казанской губернии число татар составляло 13322 человека, то в последовавшие за этим 12 лет к ним прибавилось всего 2995 крещеных татар (Т. Давлетшин). Царское правительство, не сумевшее достичь существенного успеха в христианизации народов данного края, в 1731 году при Свяжском монастыре создало новую комиссию. Однако и она не достигла какого-нибудь ощутимого результата, татарский и башкирский народы не продали свою совесть. Разъяренное правительство в 1738 году перевело эту комиссию в Казань, и она стала называться "Новокрещенской конторой". Архиепископом в Казань был направлен фанатик-миссионер и беспощадный палач Лука Конашевич. Ему в Казанском уезде помогал глава "Новокрещенской конторы" архимандрит Сильвестр Гловатский, а в Уфимском уезде - Дмитрий Сеченов.

Правительство и Синод 2 сентября 1740 года выработали специальную инструкцию для "Новокрещенской конторы". Там было строго указано: "... всем новокрещеным строго ходить в церковь; если кто-то продолжить держать магометскую веру, то наложить штраф; новокрещеных переселить к русским или русских переселить к новокрещеным; (простым) крещеным выдать медный крест, рубаху, сермяжный кафтан, шапку, рукавицы, чирик с чулками; знатным крещеным выдать: крашеный кафтан, какого цвета сам захочет, вместо чириков - сапоги, женщинам - волосники, холщевые рубахи; выдать денег: мужчинам по 1 рублю 50 копеек, юношам - по 1 рублю, мальчикам по 50 копеек, женщинам и девушкам свыше 12 лет - по 1 рублю, девочкам до 12 лет - по 50 копеек; богатым выдать по иконе для домов; для обучения детей иноверцев русскому языку открыть 4 школы в Казани, Елабуге, Цивильске, Царевококшайске..."

Чтобы убедиться, какое огромное внимание уделяло царское правительство насильственному крещению иноверцев, достаточно привести в пример лишь два факта. Мулла Гали Сайфуллин из деревни Тютяр Малмыжского уезда (ныне в Балтасинском районе Татарстана), по указу губернской администрации, был раздет (ведь он мулла!) палачами на глазах своих односельчан и избит прутьями за то, что несколько некрещеных мордовских крестьян уговорил принять мусульманскую веру. А узнав о том, что казак Исаев, оставив христианство, перешел в магометанскую веру и был обрезан, "бдительный" В. Татищев доложил аж в Сенат. Чтобы обсудить такое "ужасное" дело, 2 июня 1740 года было проведено специальное заседание Кабинета министров (!), и был вынесен Указ (!) о предании Исаева смертной казни! ("История Татарии...")

Казанские миссионеры в крючкотворстве не уступали столичным. Они выработали и специальную форму прошения о крещении для "добровольцев". Прощение должно было обращено непременно на имя императрицы (!), и "доброволец" был обязан точно указывать свой адрес. "Я, состоявший прежде в магометанском законе, ныне через священника... (Фрола, Ивана, Тихона) познал все совершенно, что Магомет не есть и никогда не был от бога посланный. Он самый стыдный и лживый пророк и предтеча антихристов; також и закон его Коран есть лживый и богопротивный; по такому моему узнанию я отрицаюсь от лжепророка Магомета и его Корана и прокливаю. Этот лжепророк Магомет в своем богопротивном учении блядословит. Христианский же закон самый истинный и богоугодный. Иисус Христос есть истинный бог божий. Я хочу принять спасительную христианскую веру и прибыть в ней до скончания жизни". Новокрещеный обязан был перед церковным алтарем произнести вот такую унижительную клятву ("История Татарии...").

Но как ни старались русские миссионеры, на Казанской земле никто не торопился перейти в христианство. Миссионеры-палачи в течение 1741 года сумели крестить по всей губернии всего 9159 человек, а татар и башкир было среди них всего 143 (А. Чулошников). Тогда православные священники перешли к тактике кровавых погромов мусульман. По приказу Конашевича Татарская Слобода была отделена от других кварталов Казани жердями. Священники, совместно с солдатами, бросились в слободу, и начались избиения и истязания татар, у домов вышибали окна и двери, сжигали дома, разрушали мечети и медресе, людей загоняли в ледяную воду. Такие крестовые походы совершались и на близлежащие деревни.

Каждое насилие вызывало противостояние. Говоря словами Каюма Насири, "Татарская слобода с дубинами в руках выступила против насильников". Это движение возглавил Иштиряк-абыз Лука Конашевич приложил немало сил, чтобы схватить Иштиряка и подвергнуть пыткам, но слободцы укрывали его надежно. Среди миссионеров и слободцев-татар произошел ряд серьезных стычек. Татары прозвали ненавистного Конашевича "Хромым чернорубашечником".

В 1742 году Конашевич совершил новое коварное деяние: устроил поджог. Ночью в здании духовной семинарии начался пожар. Он быстро перекинулся на архиерейский дом в Кремле и на Собор, отсюда на церкви и монастыри, расположенные в центре города. Во время пожара сгорела почти половина из всех зданий Казани, не пострадала лишь Татарская Слобода. В своем письме к императрице Елизавете Лука обвинил в пожаре татар и просил их наказания. Елизавета же, еще совсем недавно взошедшая на трон при помощи гвардейцев и опьяненная "любовью" своих фаворитов, не стала доискиваться до истинных причин пожара. 19 ноября 1742 года она подписала варварский Указ о разрушении всех мечетей на территории Казанской губернии и недопущении возведения новых. "Упоенный счастьем" миссионер-палач Конашевич приступил к лихорадочному исполнению Указа. В течение двух лет из 536 мечетей в Казанском уезде было разрушено 418 ("История Татарии...". Для сравнения положения иноверцев, наверное, будут интересны и такие цифры: в России в 1767 году насчитывалось 17518 церквей, которые обслуживали 85365 священников. - Н. Дубровин. "Пугачев и его сообщники". Т. 1).

С целью активизации крещения поволжских народов императрица и Сенат 22 июня и 28 сентября 1743 года, 4 февраля 1744 года выпустили дополнительные Указы, в которых повелевалось о строительстве церквей в мусульманских селах, где имелись хотя бы несколько новокрещеных; о выселении некрещеных из деревень, где появились новокрещеные; о предоставлении различных льгот крещеным.

Благодаря такой "заботе" императрицы и ее министров появились и первые результаты. Архипастырь Уфимского уезда Дмитрий Сеченов из числа переселенных в башкирские степи чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы за два года сумел обратить в христианство 17362 человека (Н. Дубровин). А Конашевич и Гловатский за тот же срок в Свияжском уезде сумели крестить 13822 чувашей, черемис и мордвы. Сенат своим Указом от 11 марта 1747 года подушную подать с новокрещеных переложил на плечи 241338 некрещеных поволжских крестьян (Д. Рахимов. Кара еллар авазы. "Аваз". 1990, № 15).

В 1749 году в Казани вновь произошел ужасный пожар. Он вошел в историю как "Уразметовский". Якобы, жена Уразмета уронила в хлев горящую лучинку, в результате пожар охватил всю Татарскую Слободу, потом перекинулся на город. Лука Конашевич извлек выгоду даже из этого несчастья. "Бог, послав с неба огонь, отомстил татарам", - писал он, торжествуя, Елизавете и просил разрешения на постройку Новокрещенской Слободы на месте Татарской. Елизавета одобрила коварную затею Конашевича Указом от 8 августа 1750 года. Казанских татар заставили переселиться в болотистую местность, за слободу Плетени. Так возникли в Казани Старая и Новая татарские слободы.

Политика насильственного крещения, возведенная в ранг общегосударственной и проводимая жесточайшими методами, не прошла бесследно. "Новокрещенская контора" к 50-м годам XVIII века сумела добиться крещения почти всех черемис, чувашей, удмуртов, мордвы, проживавших в Казанской губернии. Однако гордый и непреклонный татарский народ, имеющий многовековую историю и культуру, несмотря на пытки и унижения, не променял свою честь и совесть. Если в губернии в 1762 году количество новокрещенных (с 1731 года) исчислялось в 269213 человек, то только 3670 из них были татарами (А. Чулошников, И. Акманов, С. Алишев, В. Мавродин). Так с позором провалилась политика насильственного крещения татар.

8. ВОССТАНИЕ БАТЫРШИ.

Новое восстание в ходе национально-освободительного движения татарского и башкирского народов, серьезно напугавшее царское правительство, началось в 1755 году снова в Уфимской провинции. Его духовным вдохновителем и предводителем был мишарин Габдулла Галиев, известный в народе под именем Батырша ("Смелый шах"). Среди современников он выделялся своей большой ученостью.

Батырша родился в 1715 году в деревне Карышбашево, что на берегу реки Танып, почти все побережье которой было усеяно переселившимися в Башкортостан мишарскими и татарскими деревнями. Карышбашево входило тогда в Уфимскую волость (ныне в Балтасинский район Башкортостана). Батырша до 1743 года учился в Тайсугановском (в Альметьевском районе Татарстана), затем в Ташкичуевском (в Арском районе) медресе. После этого в течение 11 лет он обучал детей грамоте в родном крае. Ученого, прямолинейного, смелого Батыршу заметила и Уфимская администрация. Губернские и уфимские чиновники в 1754 году предложили ему стать ахунотом (главным муллой и в какой-то мере судьей) Сибирской дороги. Но Батырша не продался властям ради почетной должности. В это время он уже готовился поднять поволжских, приуральских, среднеазиатских мусульман на новое восстание за освобождение от российского рабства. А у мусульманского народа чаша терпения была переполненной. Мусульмане уже и так со слезами на глазах терпели лашманский гнет, захват земель русскими колонизаторами, истязания на заводах, разрушение мечетей. Но русские цари и правители и не думали хоть как-то смягчить угнетение мусульман. Наоборот, разбой и грабеж мусульман со стороны правительства усиливались с каждым годом. Так, если раньше отдельные группы татар, проживающие на территории Башкортостана, пользовались некоторыми привилегиями, то, начиная с 1747 года, они тоже вынуждены были платить налог: 80 копеек - с тептяр и бобылей, 25 копеек с мишар. Их же заставляли охранять восточные границы России. В 1748 году, например, из 10800 человек, стерегущих границу, 5700 человек были мусульманами (И. Акманов). А насильственное же крещение, безжалостно проводимое русским правительством и миссионерами, вызывало у татар нестерпимую ярость и противостояние. Вот почему в 1750 году из Казанского уезда в башкирские степи и на побережье Яика сбежало еще 19389 человек (С. Алишев). В тех же 50-х годах на дорогах России появились почтовые станы и почтовые ямы. Содержание почтовых станов, обеспечение почтовых ям лошадьми, подводой, амуницией и фуражом легли на плечи местного населения. Так, содержание одной лары хороших лошадей требовало от крестьян дополнительных расходов в 100-120 рублей в год. И последней каплей в чаше терпения мусульманского народа стал Указ Сената от 16 марта 1754 года - Указ об обязательной покупке соли.

До этого татары и башкиры добывали соль из Илецкого озера, находящегося за рекой Яик, и за это ничего не платили. После объявления Указа царская администрация заставляла их покупать ту же соль по 35 копеек за один пуд. Если раньше башкиры и татары Уфимской провинции платили подать в 4392 рубля, то при покупке соли они должны были внести в казну 14-15 тысяч рублей в год (А. Чулошников). Такой грабеж, конечно же, вызвал у мусульман сильное недовольство. Уже осенью 1754 года началось брожение среди крестьян провинции. Народ ждал только призыва.

Батырша взял эту задачу на свои плечи. Он за несколько недель спешно объездил почти всю губернию,

побывал в Оренбурге, в Каргалах (эту слободу основали 200 татарских семей, переселенные из Сеитовых Сабов во главе с Сеитом Хаялиным в 1745 году, она по численности населения превосходила Оренбург), в Бурзянской волости Ногайской дороги и в ряде волостей Сибирской и Осинской дорог, получил благословения многих влиятельных старшин. Зимой 1754-1755 годов Батырша в течение двух месяцев писал воззвания к мусульманскому народу и через своих учеников посылал их во все концы Казанской и Оренбургской губерний. Обратился он и к мусульманам казахских степей. "Русские стремятся подчинить себе казахский народ. А татар и башкир пытаются подстрекать к войне против казахов. Стремятся пролить нашу кровь, уничтожить нашу дружбу и мир между мусульманскими народами", - писал он ясновидяще в своих письмах.

Батырша началом восстания определил 3 июля 1755 года и надеялся, что к освободительному движению подключатся все волости между Волгой и Уралом. По замыслу Батырши, восстание должно было принять и форму антисоциального гнета. Такие старшины-изменники, как Сулейман Деваев, Шарип Мряков, Яныш Абдуллин, Абдулла Вагапов, Абдул Хузягулов активно участвовали в подавлении тептяро-мишарского бунта в 1747 году на стороне царских карателей, и являлись кровопийцами и грабителями мусульманского народа. Батырша призывал избавиться от них в первую очередь.

Однако восстание вспыхнуло намного раньше назначенного Батыршой срока. Еще в 1754 году на побережья реки Ирень правительством была направлена специальная горно-изыскательская экспедиция во главе с Брагиным. Прибыв на Ногайскую дорогу Уфимской провинции, Брагин со своими сподручными на глазах башкир насиловал их жен и дочерей, грабил имущество, отнимал земли. Разъяренные жители Бурзянской волости 15 мая 1755 года напали на экспедицию, Брагина же самого убили. Повстанцы разорили еще и Сапсальский почтовый стан. Но это стихийное выступление крестьян жители соседних волостей не поддержали. Спешно прибыли в Бурзянскую волость каратели и начали арестовывать зачинщиков. Сотни повстанцев со своими семьями сбежали за Яик, в казахские степи.

Из-за этого стихийного бунта был сорван срок общего восстания. Оно же началось 8 августа и снова в Бурзянской волости. Подтолкнул бурзянцев к выступлению прибывший к ним Батырша. Бурзянцы напали тогда на назначенного администрацией, а не избранного ими старшину Абдуллу Вагапова и убили его. 9 августа отряды повстанцев напали на Преображенский и Вознесенский заводы. В течение 2.-3 дней к восставшим подключились почти все волости Ногайской дороги. Были осаждены ряд близлежащих крепостей и заводов, разорены и сожжены большинство почтовых ям. 15 августа мятежники уничтожили Покровский завод А. Шувалова. Когда 18 августа вышел из Зелаирской крепости отряд капитана Шкапского, повстанцы встретили его на узкой лесной дороге, посреди топи. Рота драгун и 50 казаков были полностью уничтожены.

К середине августа Батырша уже вернулся в свою родную деревню и призвал к восстанию жителей Осинской дороги. 27 августа первыми выступили татары и башкиры Тайнинской волости. Был убит старшина Абдул Хузягулов, как предатель, и за свои "великие денежные сборы". Почуввав опасность, старшины-изменники во главе с Янышем Абдуллиным поспешили создать отряды из верных себе крестьян. На помощь феодалам спешили и карательные войска. Растерявшиеся повстанцы, в надежде на помощь, направились к Батырше, в деревню Карышбашево. Но опоздали... Утром 1 сентября, заметив отряд, направленный Янышем Абдуллиным для его ареста, Батырша со своими несколькими учениками скрылся в лесу и пропал там около года...

Весть о новом восстании, вспыхнувшем в Уфимской провинции, немедленно дошла и до Петербурга. Царские чиновники больше всего боялись, что восстание перекинется в Казанский край. Поэтому уже 3 и 4 сентября правительством были выпущены два Указа с почти что ничтожными уступками татарскому народу. Так, в них правительство дало указание перевести лашманов из ведения губернской канцелярии в

ведомство Адмиралтейской конторы и об оплате за работу в ночные часы. Но из Закамья шли уже более тревожные известия и правительство 27 и 28 сентября издало еще два Указа. Если в первом приказывалось прекратить брать налоги и рекрут с татар за крещеных, то во втором указывалось платить двухмесячное жалованье вперед татарам, взятым в поход против восставших. Был еще один более существенный Указ. 26 сентября министры Военной коллегии, Сената, коллегии Иностранных дел, собравшись вместе (!), приняли постановление о смене Казанского и Тобольского архиепископов Конашевича и Гловатского. Позже сей Указ утвердила и сама императрица (!).

Все эти факты говорят о том, насколько сильно было напугано царское правительство новым восстанием мусульман. Но восстание не разрослось. Повстанцы, оставшиеся без главного предводителя и под напором все увеличивающихся карательных войск, вынуждены были бежать за Яик. Уже в сентябре количество сбежавших повстанцев достигло 10 тысяч (а они уходили за Яик вместе с семьями, потому их общее число доходило до 50 тысяч (В. Витебский)).

Этой бедой мусульманского народа решил воспользоваться Оренбургский губернатор генерал Иван Неплюев. Он построил коварный план: натравить казахские и татарско-башкирские народы друг на друга, вызвать войну между ними и истребить мусульман в обоюдных стычках. Ради осуществления своего грязного замысла, он отправил к казахским султанам и бекам толмача губернской канцелярии Матвея Арапова, капитана Яковлева, мурзу МаксUTOва, Усмана Арсланова и через них разрешил казахам захватывать в плен жен и детей, скот и скарб беженцев, при условии, что они выдадут российским властям мужчин-повстанцев. Чтобы подогреть аппетит казахских правителей и с целью подкупа Неплюев посылал им различные подарки, а Нурали-хану выхлопотал даже годовое жалованье в 600 рублей.

В это время среди казахских родов и племен шла внутренняя вражда. Часть султанов стояла за выход из российского подданства. Они-то и приютили у себя приуральских повстанцев. Но подарки и посулы Неплюева уже успели отравить другую группу - алчных беков. Они со своими головорезами напали на беженцев. В защиту беженцев выступили противники России. Началась страшная резня, как между самими казахами, так и между алчными казахами и беженцами. Алчные головорезы захватывали в плен жен и детей повстанцев, грабили обозы. Приуральские беженцы-повстанцы вынуждены были переправиться на правый берег Яика, вновь вернуться в свою родную башкирскую степь. Тут их ожидали новые бои - уже с царскими карателями. Весть же о коварстве и грабеж беженцев казахами достигла почти всех волостей Ногайской дороги. Для освобождения пленных и с целью мести казахам собрались новые отряды татар и башкир, и уже они, объединившись со старыми, бросились в казахские степи. Там начался новый этап резни. На помощь алчным поднялись безвинные казахи, присоединились к ним и сарбазы Нурали-хана. После ожесточенных боев приуральцы отступили снова на правый берег Яика. В ходе этих битв погибли тысячи казахов, татар и башкир, тысячи приуральских жен и детей остались в плену у казахов. Мелкие стычки между башкирами и казахами продолжались еще долго. Взаимная вражда сохранилась на долгие годы. И на этот раз восторжествовал коварный принцип царской администрации "разделяй и властвуй"...

(От негодования нас бросает в дрожь. Коварнейший палач мусульманских народов Иван Неплюев представлен сегодня в учебниках и энциклопедиях, как искусный дипломат и государственный деятель. В музеях Оренбурга и Екатеринбурга посетителей встречают с портретов радужные, добрые лица палачей-колонизаторов В.Татищева, И. Кирилова, И. Неплюева. Город неподалеку от Саратова носит имя кровожадного А. Сергеева, собственноручно истребившего в 1705-1710 годах сотни мусульман. Ох, где же она, правдивая русская история? И станет ли она когда-нибудь правдивою?..).

Вернемся в Оренбург 1755 года. Неплюев совершил не одно злодеяние. Он "от имени" ахуна Ибрагима

подготовил подметные письма и отправил их в разные концы Уфимской провинции. "Ахун" в своих письмах обвинял Батыршу в том, что тот своими действиями нарушил Коран. Неплюев старался посеять вражду также между татарами и башкирами. Так, он натравливал мишар на башкир, говоря, что башкиры хотят превратить мишар в своих рабов. Еще Неплюев богат был и на посулы. За поимку Батырши он обещал 1000 рублей денег и разослал во все концы грамоты об этом.

Кроме всего этого, Неплюев сосредоточил под своим началом огромное число карателей. Хотя к началу восстания в губернии имелись 13 боевых полков с 15 тысячами солдат и иррегулярное войско в 9300 человек, Неплюев спешно потребовал от калмыков, яицких и донских казаков тысячные отряды. По просьбе Неплюева Сенат направил в мятежный край из Пензы, Шацка, Алатыря, Москвы, Ярославля, Коломны, Козлова 8 полков общей численностью в 12-15 тысяч солдат. Неплюеву и это показалось недостаточным, и он потребовал отправки из Казани - 5 тысяч, с Дона еще 2 тысячи человек. В результате под командование кровожадного генерала было собрано войско общей численностью в 50 тысяч карателей ("Очерки по истории Баш. АССР").

Правда, восстание потухло, так и не разгоревшись, и такая армия карателей не потребовалась. Тем не менее, Неплюев стремился "образумить" местное население. Несмотря на то, что уже 1 сентября 1755 года правительство выпустило Указ о прощении добровольно покаявшихся повстанцев, только лишь в Оренбургской губернской канцелярии из 230 "допрошенных" мужчин погибло 185, а из 115 "допрошенных" женщин - 97 (А. Чулошников).

А сам Батырша был схвачен в плен 8 августа 1756 года в деревне Сугушла (в Бугульминском районе). Старшина-предатель Сулейман Деваев отвез его в руки Неплюева, а тот спешно перепроводил предводителя мятежников в Петербург. Пятнадцать самых близких соратников Батырши были отправлены по той же дороге. Вот их имена: из татар - Максуд Аскин, Рыскул Исламов, Мирахмет Акзигитов, Ибрай Тимергазин, Муслум Ибрагимов, Ахмет Крюков, Мустафа Асянов, Акчура Ягутеев, Давлетбай Хузягулов, Исмаил Алкин; из башкир - Исхак Мурзалиев, Кучюкбай Имангулов, Нури Баскынов, Чурагул Миннибаев, Сафар Ягфаров.

После долгих пыток и допросов Батыршу отправили в Шлиссельбургскую крепость на пожизненное заточение. Там он затеял спор с православными священниками и даже дал согласие на добровольное крещение, если те сумеют доказать превосходство христианской религии над исламом. Спор кончился тем, что тюремные палачи вырвали Батырше язык. Он пять лет промучился в заточении, но закончить свою жизнь в рабстве не захотел. В июле 1762 года он схватил в свои закованные руки топор, забытый в его камере надзирателями, и бросился на охранников. Батырша зарубил четверых солдат, но и сам умер от разрыва сердца, стоя на ногах ("Очерки по истории Башкирской АССР", "История Татарии в документах и материалах"; С. Алишев, В. Витебский, А. Чулошников).

Восстание Батырши не прошло бесследно.. Под его влиянием правительство в 1756 году издало Указ о разрешении строительства мечетей. Семена же, посеянные Батыршой, скоро дали всходы. Уже в 1760 году с призывом к мусульманам объединиться ради освобождения от российского ига выступил Мурат-мулла. Однако народ не успел его поддержать. Мурат-моллу и его соратников захватили в плен и увезли в Петербург.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Борьба татарского народа, проводимая в течение столетий, за освобождение от русского ига, за воссоздание своего независимого государства была продолжена и в последующие годы. Самое активное участие татарских крестьян в Пугачевском восстании, вспыхнувшем в 1773 году, необходимо

рассматривать не только как социальную, но и как национально-освободительную борьбу. Ибо "новый государь Петр Федорович" (а наивный народ и тогда верил, и сегодня верит в "справедливость" царей) в своих манифестах обещал татарскому и башкирскому народам "свободную жизнь" ("Живите, как жили ваши предки", "живите, как хотите"). Поэтому-то татарский народ стал одним из самых многочисленных в рядах повстанцев. Так, если количество татар в пугачевских отрядах в Уфимской провинции исчислялось в 34 тысячи, то в Казанской губернии оно дошло до 50 тысяч (С. Алишев). Из их рядов вышли и видные предводители мятежников, достойные стать вровень с легендарным героем башкирского народа Салаватом Юлаевым. Уроженец мишарской деревни Бузовьязы, что в 30 верстах от Уфы, Канзафар Усаев, например, получил бригадирский чин в один и тот же час, на одном и том же месте из рук "самого государя" вместе с Салаватом. Канзафар вместе с другими наиболее крупными предводителями восстания стал невольным очевидцем страшной казни Пугачева на Болотной площади Москвы. Здесь же и его самого палачи подвергли пыткам, после чего Канзафар был отправлен в Рогервик (ныне город Палдиски в Эстонии). Когда привезли сюда же и Салавата с его отцом Юлаем Азналиным, эти три мусульманина терпели все муки вместе почти в течение 25 лет. И не только каторжные муки, истязания палачей, но и самое страшное - человеческую утрату. Именно Канзафар Усаев проводил в последний путь Юлая - в 1797, Салавата в 1800 годах, выполнив, даже в условиях каторги, все мусульманские обряды. Канзафар сам скончался в 1804 году. Татарский и башкирский народы вот так, всегда вместе выходили на поля битв, вместе же несли тяжелые потери. Башкирский народ после подавления Пугачевского восстания создал кубаир, в котором пелось:

"У Салавата двое верных друзей:
Кинзя и Канзафар".

Простой народ свое слово высказал. И нечего сегодня московским и уфимским "ученым" вбивать гвоздь в дружбу, сеять вражду между двумя родственными народами.

Вспомним еще хотя бы одного татарского героя, достойного легенды. Мясогут Гумеров, уроженец деревни Псяково, после подавления восстания был подвергнут царскими палачами точно таким же пыткам, как и Салават. Его тоже возили по тем деревням, где он поднимал восстание, и истязали кнутами. По легенде, сохранившейся в Кукморском районе, на истязания в родной деревне Псяково Мясогут ответил палачам плевок в лицо. За что несломленного духом героя палачи привязали к лошади, протащили по земле до деревни Асянбашево и там, на площади у мечети, выкололи ему глаза. Значит, Мясогут отправился на каторгу в Таганрог, будучи слепым.

Тема участия татар в Пугачевском восстании требует отдельной книги. А имена же национальных героев необходимо вернуть сегодняшним их правнукам. Потому что борьба за создание независимого от московского диктата государства, начатая 440 лет тому назад, продолжается и сегодня. Наше требование, выстраданное в веках, то же:

- Свобода! Независимость! А-зат-лык!
Набережные Челны, 1991 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. "История Татарии в документах и материалах". М., 1937.
2. "Материалы по истории Башкирской АССР". Ч. 1, М.-Л., 1936.
3. "Очерки по истории Башкирской АССР". Уфа, 1956. "Из истории Башкирии. Дореволюционный период". Уфа, БГУ, 1968.
4. Акманов И. Г. "Башкирские восстания XVII - первой трети XVIII вв.". Уфа, 1987.
5. Акманов И. Г. "Башкирское восстание 1735-1736 гг.". Уфа, 1977.
6. Акманов И. Г. "Башкирские восстания". Уфа, "Китап", 1993.
7. Алишев С. Х. "Каһарман бабайлар". Казан, 1976
8. Алишев С. Х. "Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании". Казань, 1973.

9. Молчанов Н. Н. "Дипломатия Петра Первого". М., "Международные отношения", 1986.
10. Калинин Н. Ф. "Прошлое крестьян нашего края". Казань, 1929.
11. Калинин Н. Ф. "Казань". Казань, 1952.
12. "История Казани". Т.1, Казань, 1988.
13. "Өфө тарихы". Уфа, 1973.
14. Валишевский К. "Петр Великий". 2 тома. М., СП "ИКПА", 1990.
15. Валишевский К. "Преемники Петра". М., "Советский писатель", 1990.
16. Н. Павленко. "Петр Великий". М., "Мысль", 1990.
17. Хөсәенов Г. Б. "Батырлар кыйссасы". Уфа, 1986.
18. Чулошников А. П. "Восстание 1755 г. в Башкирии". М.-Л., 1950.
19. Гобәйдуллин Г. "Тарихи сәхифәләр ачылганда". Казан, 1989.
20. Устюгов Н. В. "Башкирское восстание 1737-1739 гг." М.-Л., 1950.
21. [Худяков М. "Очерки по истории Казанского ханства". Казань, 1990.](#)
22. Хасанов Х. Х. "Формирование татарской буржуазной нации". Казань, 1977.
23. "Над Шишкиным бором рассвет". Казань, 1989.
24. Муратов Х. И. "Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева". М., "Просвещение", 1980.
25. Дубровин Н. "Пугачев и его сообщники". 3 тома. СПб., 1994.
26. Семевский В. И. "Крестьяне в царствование Екатерины II". Т. 1. СПб, 1891.
27. Р. Фәхретдинов. "Ташлар моңы". Казан, 1978.
28. Каримуллин А.Н. "У истоков татарской книги". Казань, 1971.
29. [Г. Исхаки. "Идель-Урал". Казань, 1991.](#)